

МЕРАБ РАТИШВИЛИ

# Илиади

*Джура 2*



**РОМАН**

**Книга I I**

**ტბტბ**

16+

Джуга

Мераб Ратишвили  
**Илиади (Джуга 2)**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

## **Ратишвили М. Г.**

Илиади (Джуга 2) / М. Г. Ратишвили — «ЛитРес: Самиздат»,  
2013 — (Джуга)

После того как герои романа «Джуга» узнают об общей родственной связи со Сталиным, они переходят в другую фазу доверительных отношений. Главный герой Илья Горели в резиденции Джуги под впечатлением полученной информации о гуманоидах и происхождении человека, о тайном оружии и древних кристаллах, начинает писать рассказы о великих исторических личностях человечества — Иешуа бен Иосифе, Чингисхане, Леонардо да Винчи и других, и их генетической связи с ними. После чего значительно возрастает их ответственность перед человечеством в принятии решений.

© Ратишвили М. Г., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

# Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	30
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Задача писателя – говорить правду.  
Его уровень верности правде должен быть настолько высок,  
что придуманное им на основании его опыта  
должно давать более правдивое изображение,  
чем любое описание фактов.

**Эрнест Хемингуэй**

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шел 5622 год от истоков. Человечество еще не проложило между старой и новой эпохами, оно все еще не определило новую эру и летоисчисление в развитии истории. Это случится позже. А пока все происходило в соответствии с порядками и подсчетами, установленными древними людьми на протяжении многих веков. Все новое с большим трудом приживалось в жизни людей и государств. Но в те времена уже существовали небольшие группы развитых личностей, которые были готовы и способны донести до людей новые знания, новое мировоззрение, создать условия, которые в корне изменили бы их бытие, религиозное, политическое и научное мышление.

Как древняя, так и новая история наглядно показывает и учит: эволюционному развитию человечества всегда предшествовали процессы исторического масштаба, которые определяли географию, историю и динамику последующих событий. Из истории также видно, что только люди с особыми данными, талантами, везением и историческими масштабами могли дать толчок началу событий, дающих новый вектор и стимул существованию и развитию человечества.

Очень часто такие люди были детьми малочисленных народов, которые с течением времени по значимости вышли за рамки своих стран и народов и сформировались как Люди Мира, благодаря мифам и летописцам приобрели увенчанные легендами биографии и стали для истории комфортно подогнанными портретами. Ведь людям свойственно мечтать – или выдавать желаемое за действительное – и, если результат их удовлетворяет, они и не пытаются его менять.

История также ясно показывает, что большие народы часто стараются уменьшить или совсем свести на нет роль малочисленных народов, присвоить их достижения, заслуги и исторических деятелей. Таких фактов множество, хотя ни эти деятели, ни их достижения не теряют своей исторической значимости. Все это указывает на то, что история не всегда справедлива к тем народам, в недрах которых зародилось зерно эволюционного развития рода человеческого, родились и сформировались личности, которые помогли духовному и культурному миру людей взойти на новую ступень развития.

Сама история настолько же ясна, насколько справедлива. Ведь о реальности того времени нам известно гораздо меньше, чем это отражено в исторических источниках. Многие значительные события не нашли объективного отображения. Огромное количество исторических трудов не дошло до нас или по злобе времен, или из-за жестокости вандалов. Еще больше фактов скрыто в недрах земли, и они ждут своего времени, чтобы хоть в будущем открыть глаза людям.

Многие легенды, сказания, литературные произведения не дошли до нас, а если и дошли, то стали непоняты нашим современникам или же совсем утратили свое первоначальное предназначение. К сожалению, мы часто довольствуемся тем, что лежит на поверхности. По чьей-то воле навязанные нам мифы и приукрашенные истории десятки лет не меняются в нашей памяти. Вероятно, мы сами не пытаемся разбить эти мифы, т.е. убрать все лишнее, что откладывалось веками и окаменело. Для того чтобы по-другому оценить какую-либо эпоху, нужно свежим взглядом посмотреть на те немногие данные, которые сохранились. Может быть, попробовать найти корни, ухватиться за них, последовать по реальному повороту истории и при помощи фантазии и воображения за искусственно созданной картиной увидеть нечто более близкое к истине. Давайте представим, как мог развиваться тот или иной процесс. Может быть, на самом деле все было именно так, а не в соответствии с проповедями исторических источников, которые, не забывая, принадлежат перу таких же людей, как мы, с такой же, как и у нас, фантазией и воображением, и возможно, даже более примитивными. Вместе с тем они могли быть менее информированными и свободными в своих суждениях, чем мы, пред-

взятыми или вообще заинтересованными в том, чтобы история дошла до нас именно в том виде и той форме, которую мы получили в итоге.

Попробуем заглянуть при помощи нашего воображения за установленные догмы, увидеть конкретную эпоху и события другими глазами и представить, как мог развиваться конкретный исторический процесс, свяжем реальных персонажей с новыми фактами и по-новому увиденными событиями, приправим это все сознательно замолчанными и присыпанными пылью фактами и превратим все в одну логическую комбинацию.

Можем сказать заранее, что получится абсолютно иная картина, которая будет иметь такое же право на собственное место в исторической галерее, как и уже существующие полотна, которые со временем теряют свое первоначальное лицо и выцветают. На них постепенно исчезают засохшие краски, и под ними последовательно оголяются реальные пейзажи и портреты, и наконец, когда со всех картин сойдет искусственно нанесенная краска, возможно, они своими цветами и сюжетами окажутся более похожими на нашу картину, чем те, которыми веками любовались поколения.

Сама же история приняла свое современное лицо только тогда, когда шумеры передали письменность другим народам, что, в свою очередь, дало тем возможность перенести на бумагу ранее существовавшие исторические факты, легенды и мифы. Насколько заслуживают доверия описанные «факты», зафиксированные много веков назад – прежде, чем народы научились читать и писать? Вы никогда не задумывались, почему события одной эпохи, жизнь одного и того же человека у соседних народов, а иногда у одного и того же народа описаны по-разному? Например, почему трактуют по-разному свою и чужую историю египтяне, греки, римляне и другие народы? Какие из описаний более достоверны: те, которые писались по горячим следам событий в реальное время, или те, которые были написаны спустя десять, пять или хотя бы один век после возникновения письменности? Это касается не только египтян, евреев и греков, но и всех народов в до исторический и последующие дописьменные периоды.

Наши современники и сегодня не могут договориться об объективном, согласованном описании того или иного факта новейшей истории. Это происходит потому, что мы, люди, субъективно оцениваем события. Значит, не удивительно, что заинтересованный летописец с учетом политической или религиозной, культурной или социальной конъюнктуры сознательно искажал факты. Возможно, иногда кругозор летописца не позволял ему заглянуть в глубь конкретных событий.

Но давайте не будем приуменьшать или сводить на нет их труд, их попытку хотя бы в приукрашенной форме донести до нас свою эпоху. Наоборот, спасибо им за это, ведь эта попытка часто стоила им жизни.

Договоримся, что история – это сказка, где иногда проставлены даты, сказка, часто созданная наемным сказочником с красивыми или не очень персонажами и периодически, от случая к случаю вставленными реальными фактами. Так что нам мешает не отставать от них?

\* \* \* \* \*

Итак, шел 5622-й год от истоков – вероятнее всего, это был 18-й год нашей эры.

Стояла середина весны, когда небольшой караван вошел на территорию Эгрисского царства в Иберии. Несколько дней спустя он приблизился к Дворцу просвещенных, где вместе с семьей жил потомок шумерских мудрецов, верховный жрец древнейшего братства Гоны.

В караване было всего 14 человек. Двое из них были ученые колхи, посланные в родственные братства, находившиеся в Египетском и Вавилонском царствах. В качестве проводников они в целостности и сохранности, без лишних приключений, привезли в Колхиду гостей с Мертвого моря. По дороге они останавливались, чтобы повидаться в монастырях со своими просвещенными духовными братьями. На пятый месяц путники дошли до колхского города Айя.

Шестеро из них сидели на нагруженных дорожной кладью верблюдах, остальные восемь ехали на лошадях. Судя по внешности и одежде, это были арамейцы. На плечах у них были накидки из верблюжьей шерсти – традиционный для путников балахон с капюшоном. Колхи отличались от спутников белыми головными уборами и плащами.

С караваном ехало трое юношей 16–17 лет, которые за всем внимательно наблюдали и все изучали.

Чем выше поднимались они к северу, тем больше менялись природа и люди, их речь, внешность, орудия труда. Обилие обработанной земли также бросалось в глаза, но, когда караван вошел в Колхиду, гости увидели абсолютно другой народ, другую страну. Несмотря на след, оставленный римскими завоевателями, люди, живущие здесь, не потеряли своего достоинства и внутренней свободы. Это чувствовалось в их речи, улыбочивых лицах, гордом взгляде. Воины, мастеровые и простые крестьяне вели себя и разговаривали со знатью так же, как с родными братьями.

Когда гости вышли из царства Понто и подошли к южной части Иберийского государства, двое членов братства были узнаны местными жителями. С уважением их вместе со спутниками проводили до ближайшего города и щедро угостили едой и вином. Гости с удивлением и восхищением наблюдали, как в середине весны в садах, виноградниках и на полях суетились взрослые и дети, с каким удовольствием они трудились. Оросительные каналы, дамбы, мосты – все выглядело ухоженным, – пересекая овраги и реки, гости ни разу не промочили ноги. Так они добрались до престольного города Айя.

«Вот благодать, вот страна! Вот каким должен быть правитель», – думали гости.

Правда, на этой земле после вторжения обосновались римляне, но по всему было видно, что непрошенных гостей, которые не спешили отсюда уходить, здесь не жаловали. Они были инородными телами среди местных жителей. Захватчики были как терновник на этой чудесной земле, но люди их ни во что не ставили, и поэтому те не чувствовали себя спокойно и свободно. Иберийцы и колхи всегда были заняты своим делом, чем выражали безразличие, отвращение к завоевателям и демонстрировали свое стремление к независимости.

Ворота дворца оказались открыты – приближающихся гостей заметили издали. Путники спешили у ворот, где их радушно встретили привратники и староста, отвечавший за прием гостей.

Дом просвещенных представлял собой грандиозное сооружение из пиленого белого камня. Он был построен с большим мастерством и смыслом. «Домом» его называли хозяева, однако на самом деле в проекте зодчего были соблюдены все каноны построения крепости. Об этом свидетельствовала и планировка двора, и каменные стены с отверстиями для наблюдения и лучников. Трехэтажное просторное здание с флигелями и покрытой красной черепицей крышей своим видом не подавляло, а, наоборот, приводило гостя в приятное расположение духа и даже заочно внушало доверие и доброжелательность по отношению к хозяевам. Формами и обстановкой этот дом, или крепость, не походил ни на одно здание в Эгрисском царстве, а возможно, и во всей Иберии.

Вот уже четвертое столетие стояло это творение зодчего как новое, не теряя своего первоначального вида, – казалось, будто и четырех лет не прошло после его построения. Во всем чувствовалась умная и рачительная рука хозяина, который не обделял вниманием Дом знаний и мудрости.

Месторасположение также было выбрано очень удачно: отсюда одновременно просматривались дороги двух долин. С восточной стороны протекала река Риони, названная в древние времена в честь жреца братства по имени Рио. С западной стороны свое начало брала Цхенкури, которая впадала в реку Цхенисцкали, как и сейчас. Через двор по каменному устью протекал родник с чистой водой, который потом спускался вниз по склону и с журчанием сливался с Риони.

Внизу с юга простиралась великолепная равнина. Как грозный страж, вззирающий на окрестности, с северной стороны возвышалась лысая гора Гона. Тогда эту гору называли «Зубом мудрости» – в древности слово «гони» было равнозначно слову «мудрость».

Если пойти вверх на север, к устью рек Ладжанури и Рицхоури (сейчас Рицхоула), то можно было дойти до продолжения горного массива Гона – горы Таригони, которую тогда называли Верхняя Гона. Здесь у древних шумеров были железные, золотые, серебряные и медные рудники, где они с давних пор занимались добычей и обработкой ископаемых.

Возле этой горы, неподалеку от реки Ладжанури, был монастырь братства Гоны, члены которого в то время достигли вершин науки и на века обогнали в развитии остальное человечество.

С древних времен все вокруг связывалось с именами шумеров и Гона. Много мест, населенных пунктов, гор, рек и оврагов назывались Ури или Гона. И сегодня во многих географических названиях встречаются эти два слова, что не удивительно – ведь эта страна еще с древних времен, в раннем бронзовом периоде, была основана и изучена Гоной и его потомками. Если с грохотом прокатывалось колесо, встречалось кирпичное здание, слышался лягз железа или попадалось железное орудие, можно было с уверенностью утверждать, что все это создано ими. Если писался «Карабадин» (научная книга здоровья), выводились новые сорта фруктовых деревьев или винограда, если кто-нибудь обучился писать и читать – за все это нужно было благодарить братство Гоны; и вообще все чудеса, научные или духовные, с древних времен связывались с первыми шумерами и их потомками.

Позже в древней Аие, Колхиде и Иберии появились чудодейственные идола Гоны, с помощью которых обычный смертный достигал чуда, исцеления и избавления от проблем. Это было чудом – после молитв Гоне человек достигал ясности разума и становился более открытым для знаний, мог познать и постичь многое. Возле идола Гоны молились все: взрослые и дети, цари и князья, воины и ремесленники, крестьяне и рабы, мужчины и женщины.

Идола Гоны еще многие века существовали на этой благодатной земле. Разоренные командующим Александра Македонского Азоном гонийские идола, разграбленные стоянки братства, разоренные дома и святилища их семей были большим ударом для потомков Гоны и всех просвещенных братства. Это было равносильно удару меча прямо в сердце, потому что с именем Гоны были связаны душа и разум страны, ее история, культура и наука. Похищение тысяч свитков, папирусных фолиантов, глиняных и бронзовых табличек, золотых и серебряных изделий, которые создавались тысячелетиями, практически стерли историю страны, и теперь разве что в легендах и сказаниях распознает наблюдательный глаз существование огромной цивилизации.

Однако тогда несколько выживших братств все равно не сдались захватчикам, сохранив небольшие хранилища и просвещенных в пещерах горы Гона. Они вооружили царя Парнаваза и его войско оружием, какого еще никто не видел, благословили и отправили в путь. Парнаваз был их ветвью, поэтому его поддержка была залогом победы и спасения. Парнаваз благодаря новому оружию поразил Азона и в течение трех лет очистил страну от грабителей, вернув потерянные территории и раздвинув границы на многие километры. Вот этот дом, или крепость, был восстановлен именно тогда, только уже по-новому, более разумно и красиво, назло врагам.

После этого дворец Гоны был еще раз разорен рукой Помпея. Вероятно, он не смог вынести вида Дворца просвещения, который принизил его мышление и сущность; возможно, ему не понравилось и то, что сооружения, возведенного с таким разумом и размахом, не было даже в Римской империи. Однако когда Помпей покинул Иберию и оставил после себя наместником командующего Аристарха, дворец начал вновь возрождаться, как Феникс из пепла, собирая вокруг себя разрозненное братство и возвращая в разграбленные монастыри сохранившиеся книги и свитки. И вот – дотянул до начала новой эпохи.

Тогда еще никто не знал, что время, когда к этому дворцу подъехали гости, будет названо новой эрой. Тот, с чьим именем будет ассоциироваться эта эра, тогда был юношей 17 лет из Кумранского братства ессеев, находящегося вблизи Мертвого моря, назаретянином Иешуа Бен Иосифом, в будущем ставшем Иисусом Христом. Вместе с просвещенными гонийскими братьями он приехал в Колхиду для получения знаний.

И назаретяне, и иберийские просвещенные братья по происхождению были мосхами, теми же месхинцами. Как египетские фараоны и жрецы, они происходили от древних шумеров и поэтому старались соблюдать установленные в древние времена традиции и поддерживать друг друга. Они не спеша продвигались на север, останавливаясь по пути у своих просвещенных братьев. Из Кумрана вышло восемь человек – остальные шестеро присоединились к ним из разных братств. Выехавшие в декабре путники добрались до Эгрисского княжества только через пять месяцев.

Ученик Кумранского братства ессеев юноша Иешуа Бен Иосиф по дороге знакомился с неведомыми ему народами и странами, наблюдал за их характером и укладом жизни.

В братствах, в которых они останавливались, местные просвещенные поздравляли Иешуа, поскольку ему и двум его спутникам выпала большая честь учиться в братстве Гоны, что уже было залогом их будущего успеха. Однако у Иешуа цель была намного больше, а путь гораздо дальше, о чем не говорили ни он, ни члены братства. Для него это было время собирать камни. Он старался не отличаться от остальных, не проявлять свои таланты и способности, свое видение и свою особенность – это могло помешать ему в выполнении своей миссии. Иногда, когда он присутствовал при спорах своих товарищей или обсуждении с учителями какого-либо вопроса, молодость брала свое, и он вставлял несколько фраз, обычно не оставлявших возможности для продолжения спора, что приводило в замешательство и старших, и младших. В Кумране многие восхищались его особенностью и умом, но были и те, которых переполняли злорадия и зависть – такие, когда Иешуа отправился в Колхиду, вздохнули с облегчением.

Вроде бы ни внешностью, ни чем-либо другим не отличался Иешуа от окружающих и все же выделялся, но что это было и в чем заключалась его особенная сила, никто понять не мог. Его друг Иосиф тоже как будто ничем от него не отличался, они даже были похожи внешне, но было что-то таинственное, что отличало их друг от друга. Оба юноши были одного возраста и сложения, с каштановыми локонами, высоким лбом и карими глазами. Человек, не знавший их, мог подумать, что они братья, однако в завораживающем взгляде Иешуа была космическая сила, мудрость и глубина. Этот взгляд было трудно забыть. Младший брат Иаков внешне очень походил на него, но сильно отличался другими природными данными, характером и целеустремленностью. Эти отличия с годами проявились еще сильнее, хотя Иаков полностью признавал особенность и первенство старшего брата. Через годы он одним из первых стал его последователем, но оказался отвергнутым и забытым догматиками. Все это произойдет только через годы, а до того много воды утечет.

Долгое путешествие всегда наводит на мысли, и Иешуа всю дорогу был погружен в раздумья. Он покинул родной дом и землю, с тяжелой душой взял курс на новую жизнь и пошел длинным путем, конца которому не ведал. До того, еще в 12-летнем возрасте, Иешуа пытался постичь смысл учений известных просветителей, что вызвало в нем внутреннюю борьбу. Наверное, если бы не его божественный генетический код, он не выдержал бы психологически, поскольку такое сложное и отягчающее душу учение не могло пройти бесследно. Когда он слушал противоположные мысли, интерпретации Ветхого Завета, то вступал в дебаты с учителями, чем вызывал их удивление и порицание, но в тот период он еще находился под влиянием идей и толкований просветителей. Внутренняя борьба привела его к выводу, что старые учения и возведенные на их основе аргументы, которые учителя часто использовали в спорах, не были вне сомнения. Он ясно видел, что в споре они часто грешили и ошибались, особенно когда говорили о традициях и приведенных в Ветхом Завете текстах. Ему было

больно осознавать это. Иешуа переживал, что в такой тяжелой атмосфере от Бога не приходило небесное вдохновение, которое он чувствовал с самого раннего возраста и которое указывало ему дорогу.

В результате всего этого он замкнулся в себе и больше не принимал участия в спорах. Трудно проходил его переломный период, в который, кроме юношеской, на него давила и духовная ноша.

С раннего детства он чувствовал особое внимание книжников, которые с надеждой смотрели на молодого Иешуа. Однако его отступничество вызывало недоумение учителей и родителей, ведь великие благовестники – волхвы – объяснили им, что на земле появился сильнейший аватар, как одно из олицетворений Бога, а также то, как он должен быть воспитан. Поэтому его и отдали в тайную школу Гермеса, которая была основана еще последователями Пифагора.

Отступничество Иешуа все воспринимали очень болезненно, и после длительного совета было решено послать его в путешествие, чтобы он познал мир, выучился и набрался собственного опыта, чтобы раскрылся его феномен, на который так надеялись просветители. Его решили послать на обучение в монастырь братства Гоны, что было бы для него самой лучшей подготовкой для более дальнего пути. Для того чтобы ему было легче преодолеть дорожные сложности и расставание с домом, вместе с ним послали его брата и друга.

Путешествие до Иберии было для Иешуа очень интересным, но оно не облегчило его душевного состояния, пока они не добрались до места назначения. Это путешествие прибавило ему переживаний, когда он познакомился с разными языческими культами и храмами. Он и раньше был поглощен культом Заратуштры, ведь у него от природы была способность познавать глубину любого культа, что для других было или вовсе непостижимо, или доступно только ценой больших усилий. Во время этого путешествия он смог осознать то, чего другие не замечали и не осознавали.

Все увиденное и перенесенное до глубины души поразило Иешуа. Особенно ритуалы жертвоприношения, которые он считал проявлением демонических сил при помощи и посредничестве жрецов, которые, неосознанно для себя, становились апостолами Люцифера. Он ясно увидел, что их ритуалы не были символами добра и духовности. Поэтому юноша с еще более тяжелым сердцем продвигался на север, в оваянное тайнами братство Гоны, где он должен был достичь духовного покоя, познать новое учение и вернуть себе божественное вдохновение.

Путешествие в Иберию показало ему борьбу добра и зла под другим углом зрения, помогло ему достичь мудрости в созерцании светлого пространства. Болезненный период духовного перелома и обретенный в Иберии покой, который определило полученное в братстве абсолютно новое знание, вооружили его необычайно глубокой способностью для понимания новых событий. Особенности таланты и способности позволяли ему понимать глубину увиденного, услышанного, прочитанного или снизошедшего. Ни у кого не было такой способности познавать тайны бытия. Ни до его появления на свет, ни после никто на Земле не смог понять и прочувствовать искушения человеческие так, как переживал и чувствовал их Иешуа.

В период обучения у Гоны произошло его перерождение, которое позволило Иешуа окончательно избавиться от влияния языческих учений и постулатов и дало возможность полного освобождения. Уже в юношестве он победил Люцифера и Ахримана, освободился от всего, под впечатлением чего он находился с детства. Заратуштра, Митра, Аттис, Яхве и Ветхий Завет уже устарели для него – уже тогда он почувствовал, что при помощи этих учений и проповедей он не сможет достичь людских сердец. Все эти боги были такими же детьми космоса, он был согласен с их мудростью и учениями, но когда увидел, в какую темноту погружали народы «призванные» богами собратья, то изменил свое отношение к их культам. Он увидел и то, что боги полностью потеряли прежний блеск и уважение в глазах народа, они не были вечными, а были приспособлены к взглядам ограниченных людей и мешали их духовному росту. Их учения и ритуалы не могли вести по тому пути, которого требовали время и новая духовность для

формирования новой эпохи и нового человека. Люди уже не прислушивались к древним пророкам и просветителям, потеряли к ним интерес, но это не было виной человеческой. Виноват был тот голос, который не достигал их души, их сознания, ведь человек веками развивался и рос. Слова, которые когда-то могли направлять мышление людей, сейчас опустились до уровня быта. Это отделяло людей от космоса, и чем больше времени проходило, тем больше росло расстояние между ними.

Вернемся к дому хозяина, куда никто не мог попасть без разрешения царя или эгрисского князя. Незваные гости не могли не только постучаться в ворота, но и даже ходить мимо территории дворца, здесь имели право передвигаться только местные жители. По современным понятиям, это место было закрытой зоной, потому что здесь были сосредоточены особенные для страны знания и промыслы, которые всегда вызывали острый интерес незваных пришельцев. Вот почему во время любого нашествия в первую очередь подвергалось нападению это здание.

Вокруг обширного двора, вдоль крепостных стен, располагались хозяйственные и подсобные помещения: кухня, лечебница, баня, прачечная, столовая, кузница, амбар, погреб, сеновал, коровник, птичник, мастерская и молельня с пристроенными шестью большими и шестью маленькими кельями. В центре двора находился разделенный надвое украшенный бассейны в форме подковы, с проточной родниковой водой. Во дворе росли яблони, груши, сливы, айва, деревья были аккуратно обложены камнем. За стенами дворца были сады, а на склоне разбиты виноградники. Дальше, в окружении хлебных полей со множеством пасек, шли деревни. Дворец с окрестностями и деловой суетой напоминал античный город-государство.

Гостей с улыбкой встретил светловолосый кареглазый юноша, поприветствовал всех на арамейском языке и повел гостей в сторону келий. Утомленные дорогой путники с большим воодушевлением последовали за юношей. Своих сверстников – Иешуа, Иосифа и Иакова – он поместил в одной келье, размещением остальных гостей занялся распорядитель по гостям.

В келье был очаг, стояли широкие кушетки, стол, полки, на которых размещалась глиняная и керамическая посуда, в углу – умывальник с пемзой и кувшином с высоким узким горлышком. На каменном полу лежали овечьи шкуры.

Вошел маленький мальчик. Блестя от радости глазами, он почтительно поздоровался с гостями и принялся разжигать огонь.

Для гостей была приготовлена баня. Они смыли дорожную пыль, вытрусил одежду, привели себя в порядок и уже через два часа после приезда сели за дружеский стол в трапезной дворца. Молодой хозяин сидел за столом рядом со своими сверстниками и ухаживал за ними. Они уже более-менее узнали друг друга, а тем для разговоров было множество – впечатлений от путешествия было хоть отбавляй.

Гости были очень довольны таким гостеприимством.

Хозяином был семнадцатилетний Илиади Гона – племянник верховного жреца, будущий верховный жрец. Светловолосый, с умными карими глазами, он был на голову выше своих гостей. Мудрый не по годам, Илиади был правой рукой и надеждой своего любимого дяди.

Верховный жрец тоже посетил дружескую трапезу. Это был мужчина за пятьдесят, выше среднего роста, с длинными седыми локонами, высоким широким лбом, живыми карими глазами на бледном лице и чуть с горбинкой носом. Жрец был облачен в черную мантию, на груди его висел серебряный медальон.

Радушно поздоровавшись со всеми, верховный жрец расспросил гостей о дороге и дорожных впечатлениях, об их жрецах и мастерах. Гости передали ему несколько книг и свитков, посланных их братствами. Передали ему и письмо Иахина Иаханны из Кумранского братства ессеев, с которым он тут же ознакомился. Верховный жрец обращался к гостям по-арамейски, что придавало беседе душевности. Он познакомил их с семьей и членами братства, по иерар-

хия представил всех, кто присутствовал во дворце. Сказал и то, что с остальными братьями они познакомятся, когда будут гостить в монастыре.

Гости тоже представили друг друга, включая учеников Кумранского братства. Жрец с удовольствием воспринял стремление юношей приобщиться к учению и мудрости Гоны и похвалил их. Он еще раз представил своего племянника, которого все уже знали, и призвал учеников Кумранского братства дружить с ним, чтобы быстрее привыкнуть к новой обстановке. После этого он опять заговорил со старшими гостями.

Верховный жрец сразу же заметил отличный от остальных юношей взгляд Иешуа и почувствовал исходящую от него энергию. Во время разговора он несколько раз посмотрел на них и еще лучше разглядел Иешуа. От младшего брата жреца – Ивера, отца Илиади, не ускользнуло его внимание к юношам. Верховный жрец перевел взгляд на старших гостей и тихо сказал, чтобы молодые люди не услышали:

– Братья мои, мне кажется, что эти юноши все пастыри, но тот, что сидит посередине, больше, чем пастырь.

– Почему вы так думаете, учитель? – спросил гость средних лет из Кумрана.

– Раздумья на этот счет не дадут ничего путного, это нужно почувствовать своим телом, существом и его энергией. От него исходит такая сила, что, если последуешь за ней, превратишься в птицу и полетишь. Присмотритесь, как движется и переливается воздух у него за спиной. Видите за его плечами и над головой сиреневое сияние? Он сам создает собственной энергией магнитное поле.

– Я ничего не замечаю, учитель, – шепотом сказал седой вавилонянин средних лет.

– И я не вижу! – воскликнул кумранец.

Другие тоже отрицательно покачали головами.

– Ничего, на этот раз доверьтесь мне. Всевышний и к вам будет милостив, и вы многое узнаете.

– Что вы еще видите, учитель? – спросил кумранец.

– Ему трудно будет жить в мире с людьми, несмотря на то что он постоянно будет заботиться о них. Он будет жить мало, но успеет много. Зависть, злость и страх – это будет то, что принесет его в жертву в его же доме, – спокойно ответил верховный жрец.

Все пристально смотрели на Иешуа, стараясь за словами жреца тоже познать его будущее, однако для них это было недостижимо. Они не могли видеть и того, что им сказал Гона, но, безусловно, верили его словам.

После трапезы Илиади, не теряя времени, показал юношам дом и двор и познакомил с остальными его обитателями, потом опять вернулся с ними во дворец. Они осмотрели зал для совещаний, книгохранилище и мастерскую, где увидели много незнакомой им посуды для проведения опытов, гости такого еще нигде не видели.

Верховный жрец отозвал племянника в читальню. Илиади извинился и, оставив гостей в зале, вышел.

– Хорошо, что ты взял на себя заботу о них, – сказал жрец. Илиади со склоненной головой слушал дядю. – Какого ты о них мнения?

– Они мне кажутся хорошими ребятами, учитель, внимательно присматриваются ко всему. В пути они много видели такого, что их удивило. Они много слышали и даже кое-что читали, но то, что они увидели здесь... они не скрывают восхищения, – с удовольствием ответил племянник.

– Неудивительно. Они ведь путешествуют впервые. Больше ничего не заметил, чего-нибудь более существенного?

– Да, учитель, – с поднятой головой ответил Илиади, – я чувствую, что Иешуа необычный юноша. Он все оценивает верно, хорошо говорит, и еще... – Он остановился, вновь опустил

глаза и задумался, потом опять посмотрел на дядю: – Я думаю, что он... От него исходит что-то странное.

Верховный жрец удовлетворенно улыбнулся.

– Выходит, я не ошибся. Значит, они скоро появятся. Если это так, покажи ему наш алфавит, научи грузинскому. Подними его наверх и покажи ему все.

Увидев удивленный взгляд племянника, он добавил:

– Не удивляйся, он все быстро изучит. Когда поведешь его наверх, убедишься в своем предположении. Не давай ему понять, что мы все знаем, расспроси не спеша, отдельно от других, возможно, его брат не знает.

– Когда показать?

– Не надо откладывать. Сегодня хороший день для того, чтобы увидеть знамение. Сегодня же начни знакомить его со всем. Помогите и остальным, не проявляйте особенного внимания только к Иешуа. Их жрец Иахин Иаханна пишет мне, что Иаков – его брат и через год или когда я сочту возможным, нужно послать его в Хинду.

– В Хинду?! – с блестящими глазами воскликнул Илиади. Ему стало неловко за свою нетерпеливость, и он снова опустил голову.

– Да, в Хинду, – с улыбкой сказал жрец племяннику, – может, и тебя пошлю, только не нужно об этом никому говорить.

– Спасибо, учитель! – взволнованно сказал Илиади. – А сам Иешуа знает, что должен ехать в Хинду?

– Знает. Это и есть причина его приезда к нам. Он должен подготовиться к поездке. Иди присмотри за гостями, помоги им побыстрее привыкнуть к новым местам и освоиться.

Илиади удовлетворенно кивнул головой и вышел из читальни. Он вернулся к новым друзьям и тотчас отвел их в учебную келью. Там он достал книгу, написанную на асомтаврули – шумеро-грузинским алфавитом, и положил перед ними.

– Предлагаю вам начать изучать нашу письменность и грузинский язык. Это поможет вам многое понять и узнать в будущем. Позже, если не устанете, я покажу вам еще кое-что.

Юноши, довольно посмотрев на него, согласились, а Илиади взял уголь и начал писать на доске. Возле грузинских букв асомтаврули писал финикийско-семитские. Друзья с радостью окунулись в учебу. Уже через две недели Иешуа свободно писал и понятно говорил по-грузински – этот язык был очень похож на мосхский, на котором говорили назаретяне. Этим Иешуа удивил всех и во дворце, и в монастыре – Иосифу и Иакову для этого понадобилось более трех месяцев. Илиади оказался хорошим учителем, и его ученики оказались на высоте. Верховный жрец был доволен их достижениями.

Иешуа изучил за три месяца все местные языки и диалекты. Древнешумерский язык тоже был похож на мосхский, поэтому для всех троих было несложно изучить его. Они легко осваивали все предметы, но Иешуа отличался от остальных особенными способностями – он необыкновенно быстро усваивал любой предмет, за который брался. У жрецов возникало впечатление, что он не изучал предмет, а вспоминал уже изученное. К тому же он делал это с таким удовольствием и готовностью, что все пришли в азарт.

«А это сможет, неужели и этот предмет освоит быстро?» – шептались в монастыре очарованные жрецы и ламы.

ШУМЕРСКИЙ АЛФАВИТ

1.		ан, луна
2.		бан
3.		ган
4.		дон, солнце
5.		эн
6.		вин, лунный календарь
7.		зен, небеса
8.		хан
9.		тан, свет, глаз
10.		ин
11.		кан
12.		лас, рыба, 12 месяцев
13.		ман
14.		нар
15.		ини
16.		он, путь земли
17.		пар
18.		жан
19.		ра, солнце
20.		сан
21.		тар
22.		у (уни)

СЕМИТСКИЙ АЛФАВИТ

1.		алеф, буйвал
2.		бет, имя
3.		гимель, верблюды
4.		далет, дверь
5.		хей, решетка
6.		вав
7.		зайн, весы
8.		хет, частота
9.		мем, клубок
10.		йот, локоть
11.		каф,
12.		ламель, палка
13.		мем, вода
14.		нун, рыба
15.		самех, опора
16.		айн, глаз
17.		пе, рот
18.		саде, удочка
19.		коф, темя,
20.		реш, голова
21.		сан, зуб
22.		тав, крест

23.	ϕ	фан
24.	卐	ки (хи), по-шумерский земля
25.	∩	гани, великий бог
26.	᠑	кар (хар)
27.	᠑	шин
28.	᠖	чин
29.	Ꞑ	цан, небесные врата
30.	᠘	данн
31.	ᠷ	цил
32.	ᠰ	чар
33.	ᠬ	хан
34.	ᠬ	хар
35.	ᠬ	дж (джвари - крест)

Со дня приезда у них не было ни одного свободного дня. Они изучали географию, геологию, ботанику, алхимию, математику, философию, астрономию – как тайное знание. Эти юноши, в отличие от других людей, на пятнадцать веков раньше узнали, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. После учебы они обязательно заходили в мастерскую монастыря, где наблюдали за работой мастеров Джуги. С горящими глазами они смотрели, как заливали в болванки горячую сталь. Потом заходили к ботанику, смотрели, как скрещивают растения и выводят новые сорта. Оттуда шли в лабораторию алхимика, и так целый день. Два раза в день шли к ламам, занимались медитацией, йогой, психологией и телепатией. Йога Гоны – это было то тайное метафизическое знание, которое открыло им дверь к постижению Вселенной и познанию наук.

В тот день, когда юноши оказались в доме верховного жреца, в жизни Иешуа произошло еще два важных события. После занятий грузинским алфавитом все четверо вышли во двор и направлялись к своей келье, когда им навстречу вышла младшая сестра Илиади Иамзе. Четырнадцатилетняя красавица блеснула изумрудными глазами и смущенно потупилась, со стеснением кивнула и попыталась уступить им дорогу, но гости невольно остановились. Им тоже было неловко от неожиданной встречи – по правилам их братства, они должны были избегать встреч с женщинами. Однако Илиади остановил любимую сестру, поцеловал ее в лоб и познакомил со спутниками.

– Это моя сестричка Иамзе.

Юноши смотрели на девушку со стеснением, однако глаза Иамзе и Иешуа на мгновение встретились.

Бледные щеки светловолосой Иамзе вспыхнули, огонь пробежал по всему ее телу, она, постояв в замешательстве, извинилась, сказала, что спешит, и торопливо ушла.

Это был мгновенный проблеск, и он был похож на чудо – единственный взгляд Иамзе пленил Иешуа. Такой красавицы, в которой чувствовалась небесная чистота и энергия, он ранее никогда не видел. Илиади, который наблюдал эту сцену, улыбнулся и направился к келье.

С этого дня для Иешуа все вокруг стало еще более привлекательным. Он часто думал об Иамзе, и когда возвращался из монастыря во дворец, его сердце бежало впереди него с надеждой увидеть ее.

Иамзе тоже ждала. Она часто выходила во двор в надежде встретить Иешуа. О его успехах во дворце знали все и часто говорили и сплетничали про него, и все почему-то старались, чтобы эти разговоры услышала Иамзе. А у нее и так огонь пылал в сердце. Ее душа висела на волоске в ожидании, когда закончится месяц и Иешуа появится. И без того воздушная и гибкая, как тростник, она почти летала на крыльях. Иамзе всегда находила дело или причину, чтобы выйти во двор, а вечером вместе со своей молочной сестрой Иридой гуляла вокруг дворца.

Только на третий месяц они впервые встретились лицом к лицу. Когда они увидели друг друга так близко, их сердца затрепетали, и они еле перебороли волнение, чтобы заговорить друг с другом. Они смогли сказать только несколько слов, но и этого было достаточно, чтобы понять, что они безгранично влюблены друг в друга.

Это произошло возле лечебной кельи, куда лекарь поместил заболевшего Иакова. Иешуа пришел навестить брата, а Иамзе и Ирида принесли больному еду. Оба были благодарны Иакову за то, что он дал им повод встретиться и поговорить.

Было бы чудесно видеть волнующую сцену встречи этой необыкновенной влюбленной пары, но, к сожалению, у нас нет такой возможности, и мы должны довольствоваться только добрым воображением.

Иешуа был бесконечно удивлен отношением к женщине в этой стране. На его родине и в странах, которые ему удалось повидать, женщины, как неполноценные и нечистые существа, были очень ущемлены в правах. У мужчин мог быть с ними контакт только по обязанности, для продолжения рода, с последующим тяжелым очищением. То, что Иешуа увидел в Иберии, показалось ему удивительным – права женщин не только не были ущемлены какими-либо унижительными законами, наоборот, женщин обожествляли.

В отношении к женщине проявлялись особенное уважение, забота и внимание. И в этом увидел Иешуа преимущество учения Гоны перед другими религиями. Через годы, после его путешествия по Индии и Тибету, это преимущество проявится еще сильнее. Этот опыт значительно обусловил в будущем видение Иешуа роли женщины, что проявилось и в его учении.

В первый же день пребывания во дворце Илиади повел друзей на гору Гона. Они надели на ноги теплые носки и легкоступы для ходьбы по горам, взяли немного провизии, факелы и двинулись в путь.

Уже смеркалось, когда юноши подошли к подножию горы, откуда низвергался прекраснейший водопад, от шума которого у них заложило уши. Висящие в воздухе брызги окутывали туманом подножье горы, скрывая от посторонних глаз вход в пещеру. Илиади осторожно перешел поток по скользким камням и помог перейти друзьям. Сделав несколько шагов, они оказались за пеленой водопада, один прыжок – и вошли в расщелину. Посреди глухой пещеры юноши увидели огромное блестящее зеркало озера. На покрытых инеем стенах отражались его мерцающие блики. По оставшейся между озером и стеной пещеры узкой тропинке они шаг за шагом прошли, прижавшись к стене, до маленькой площадки. Свет едва пробивался сюда, и они достали факелы. Илиади зажег один факел, передал Иосифу, второй взял сам.

Все вокруг осветилось. Они увидели, как отражения языков пламени заиграли на поверхности озера, создав в пещере сказочную картину. Очарованные, они смотрели на сверкающую поверхность озера.

Полюбовавшись немного игрой бликов на заиндеветых стенах пещеры, друзья последовали за Илиади в туннель, который вел наверх. В нескольких местах им пришлось на коротких переползти из туннеля в туннель.

Вскоре они подошли к узкой лестнице с высокими ступеньками, долго поднимались вверх и уже достаточно утомились, когда подошли к глухой стене. Дальше пути не было.

Илиади передал факел Иешуа, нагнулся и просунул руку под основание стены. Друзья не видели того, что он делал, и терпеливо ждали. Послышался щелчок, Илиади привстал, отступил в сторону и толкнул нижнюю часть стены. Стена со скрежетом двинулась вовнутрь, ее верхняя часть подалась в их сторону, повернулась и остановилась в горизонтальном положении. Приглушенный проблеск заката прорвался на лестничную площадку и осветил ее. Слегка пригнувшись, они вошли в небольшую пещеру, затем перешли в помещение, за которым открывалось огромное пространство.

Это была овеванная тайной пещера горы Гона, с высеченными в скале семью комнатами. В эту пещеру постороннему человеку попасть было невозможно – по крайней мере, до сих пор никому из врагов не удавалось проникнуть в тайное хранилище, хотя его можно было видеть издали со скалистой стороны, примерно в пятидесяти метрах от подножия.

Неприступную со всех сторон пещеру не раз пытались захватить враги, но, потерпев неудачу, уходили ни с чем. Однажды греки даже сделали огромную лестницу, но кто-то поджег лес, вместе с которым сгорела и лестница, а все жители ближайшей к нему деревни ушли в горы. После этого захватчики близко не подходили к этому месту.

Когда они вошли внутрь, Илиади закрыл вход и подошел к друзьям, которые зачарованно смотрели на покрытую сумерками долину, откуда хорошо был виден и дворец Гоны с красной черепицей... Великолепное зрелище представляло собой окутанное в сумерках Эгрисское княжество.

Эта комната соединялась еще с шестью смежными комнатами низкими арочными проходами. В каждой комнате стояло множество поставленных один на другой деревянных ящиков.

– Это наше тайное хранилище, но верховный жрец велел мне показать его вам, – сказал Илиади, когда увидел удивленные лица друзей, – он верит вам и надеется, что вы сохраните эту тайну.

Друзья с довольной улыбкой посмотрели на Илиади и кивнули. Это доверие говорило о том, что верховный жрец принял их как своих и возлагал на них ответственность.

– Что здесь хранится? – не выдержал Иаков и показал рукой на ящики. Илиади улыбнулся и ответил вопросом на вопрос:

– А как ты думаешь?

Иаков смутился, а Иешуа подошел к ящикам, положил на них руку и спокойно сказал:

– В этих ящиках находится самое большое сокровище, – затем посмотрел на Иакова и добавил: – Это история нашего неба и земли, история рода человеческого; здесь все, что изучено, увидено, услышано или придумано, – и он посмотрел на Илиади.

Все трое удивленно смотрели на Иешуа.

– Это так, Илиади? Иешуа говорит правду? – спросил Иаков.

– Чистая правда, – подтвердил Илиади и довольно посмотрел на друзей. – Удивительно, как точно он все описал! Только здесь не все, кое-что находится в других местах. К сожалению, большая часть еще до нас была вывезена сначала элинами, а затем римлянами, однако сюда они проникнуть не смогли.

– Они не знают об этом? – спросил Иосиф.

– Греки знали, римляне – нет. Наверное, если бы знали, то напали бы на нас. Эти знания интересуют их больше, чем золото, серебро и железо, которое мы им и так даем.

– Тем большая честь для нас быть посвященными в эту тайну, – задумчиво сказал Иосиф, – это повышает мою веру в себя и уважение к Гоне! – прибавил он взволнованно.

– И у меня возникло такое чувство, – гордо сказал Иаков.

Юноши чувствовали себя необычайно возвышенно.

Илиади кивнул. Иешуа с довольной улыбкой смотрел на любимых друзей. Потом, неожиданно для себя, все четверо сошлись, встали в круг и положили руки на плечи друг другу. Так постояли они в полутемной комнате – это была их молчаливая клятва верности.

Юноши еще раз обошли комнаты, осмотрели рисунки и непонятные надписи на стенах. Илиади объяснял значение начертанных на стене знаков, показывал расположение зодиакальных созвездий на небе, рассказывал испокон веков описанное предками.

Пока Илиади рассказывал о поселении в этих горах первых Гона, уже совсем стемнело. Только факел освещал заинтересованные лица друзей. Они вернулись в пещеру-крепость. Илиади опять подошел к стене и просунул руку под основание, только с другого края. Послышался щелчок, и уже с помощью друзей он толкнул дверь.

Дверь открылась подобно входной, и свет факела осветил площадку и лестницу, ведущую вверх. Друзья зажгли еще один факел и прошли на площадку. Выход закрыли, и с возвышенными чувствами и мыслями друзья двинулись вверх по бесконечной лестнице. «Чьими руками это сделано?», «Как они смогли?», «Кто это придумал?» – задавали себе вопросы юноши. Илиади с передышками рассказывал истории, услышанные от старших. Время от времени они останавливались передохнуть – путь был очень долгим.

Когда они дошли до поверхности горного массива, появилась луна и осветила плоскую вершину горы. Юноши прошли еще немного и уставшие, но довольные, присели отдохнуть. Хотя была середина весны, небо было абсолютно безоблачным, оно было усыпано звездами. С юго-востока месяц освещал склоны горы. Настолько огромное пространство открывалось вокруг, что сразу невозможно было и осознать, что находишься на уровне двух тысяч метров над уровнем моря, на самой высокой вершине горы. Освещенный светом луны, мрак ночи делал пространство еще более таинственным.

Юноши собрали хворост и разожгли костер. Илиади расстелил мешковину и достал из дорожной сумки еду.

Была чудная тихая ночь. Весеннее тепло уже набирало силу, только слабый ветерок резвился на склонах горы.

Илиади показал пример и лег на спину – так лучше было видно усеянное звездами небо. Он начал рассказывать интересные истории про небесные тела. Друзья последовали его примеру, легли на землю и с интересом стали рассматривать звезды. Они были заняты разговорами и наблюдениями, когда в небе что-то сверкнуло и оно осветилось голубым светом.

Первым вскочил Иаков:

– Смотрите, смотрите! Что это?

Остальные тоже увидели свечение во всю длину горы. Оно было голубым, тут и там по нему пробегали золотые сполохи. Это не походило ни на молнию, ни на северное сияние – чудесное небесное явление имело ясно очерченные контуры и распространялось точно по длине горы. Оно медленно приближалось к поверхности горы и все сильнее и сильнее светило насыщенным синим цветом.

Через некоторое время свечение исчезло, но спустя несколько секунд опять появилось – уже более четко и близко к горе. В голубом свечении явно обозначился гигантский золотой крест. Юноши пораженно смотрели на это необъяснимое небесное знамение. Это чудо длилось несколько минут, затем, будто поднявшись в небеса, исчезло.

За все это время никто не проронил ни слова.

Пораженный Иосиф спросил Илиади:

– Ты это видел раньше?

– Да, Иаков, часто.

– Так часто бывает?

– Несколько раз в год, но сегодня было видно особенно ясно. Как говорит учитель, такое свечение бывает только на этой горе и в нескольких местах на земле, что говорит об особенностях этого места. Это свечение означает внимание Отца Небесного.

– Это свечение видели и другие, не правда ли?

– Это так, Иаков. Сейчас все жители деревни смотрят на небо. И из дворца все наблюдают, а потом будут молиться.

Молодые люди высказывали предположения, пытаясь понять космическую тайну. Илиади рассказывал им услышанное от учителей, стараясь удовлетворить их любопытство.

Иешуа молчал и смотрел в небо, полное звезд, а потом спокойно сказал:

– Когда ты возьмешь меня, отец?

Его слова были как удар молнии. Юноши прервали разговор и посмотрели на освещенное луной лицо Иешуа. Его брат Иаков смотрел с особенным удивлением. Он и раньше слышал от брата странные слова, но теперь, после этого удивительного зрелища, речь Иешуа пробудила в нем другие эмоции.

– Там, наверно, – мой отец, и, наверно, когда придет время, он возьмет меня к себе, – так же спокойно продолжил Иешуа.

Иаков хотел сказать, что их отец в Иерусалиме, но, пораженный, ничего не смог произнести.

Наступила тишина. Долго молчали утомленные впечатлениями и эмоциями юноши. Потом достали из сумы подстилки из валяной шерсти, одну подстелили, а другой накрылись. В разговоре они задремали и уснули.

Уставшие, они крепко спали. Костер уже погас, восход был близок, ночь покрывалась серебром, когда послышался сильный свист и все вокруг осветилось. Илиади и Иешуа вскочили на ноги и увидели, как с небес к ним спускается светящееся сферическое тело, величину и точные контуры которого трудно было определить. Когда оно приблизилось к поверхности горы, стало видно, что это не сфера, а светящийся диск.

Иосиф и Иаков, поднявшись, присоединились к друзьям. Ни один не вымолвил ни слова. Пораженно смотрели они, как примерно в пятидесяти шагах от них на землю опускался светящийся предмет, похожий на тарелку.

Юноши стояли неподвижно. Только Илиади смотрел на диск взглядом опытного человека – для него это уже не было новостью. Краешком глаза он наблюдал за Иешуа – ему было интересно, что тот чувствовал.

Лицо Иешуа выражало спокойное ожидание. Для него это было первой встречей с неземным, космическим телом. Он в первый раз видел его так близко, однако, в отличие от окаменевших и ошарашенных брата и Иосифа, не проявлял удивления.

Когда дисколет, примерно двадцати метров в диаметре или чуть больше, опустился на землю, свист прекратился. Сияние исчезло, горели только несколько огоньков сверху диска, в ночной тишине слышалось легкое жужжание.

С южной стороны аппарата на землю выдвинулась лестница, и через две минуты на землю ступила сначала одна фигура, затем другая, которые легкими шагами сразу же направились к юношам. Фигуры были намного ниже среднего роста, худые, с продолговатой, абсолютно лысой головой и широким лбом. У них были непропорционально большие, по сравнению с головой, миндалевидные глаза.

Илиади издали ответил им, что идет, однако ответа не было слышно, и они не сделали ни одного жеста.

– Подойдем ближе, – сказал Илиади друзьям и пошел вперед.

Иешуа сразу последовал за ним, Иаков и Иосиф, справившись с потрясением, тяжелым шагом двинулись за ним.

Люди и появившиеся из дисколета фигуры остановились примерно в двух метрах друг от друга. Свет с дисколета бил в спину пришельцам и оставлял тени на груди юношей. Иосиф и Иаков на всякий случай встали за спиной Илиади и Иешуа. Космические гости положили правую руку себе на грудь и что-то прожужжали – видимо, поздоровались. Илиади тоже положил руку на грудь:

– Мы рады встрече с вами, Айязеты!

Иешуа сделал то же самое. Оба гостя слегка кивнули.

Молодые люди удивились тому, что речь Айязетов была хорошо понятна, хотя из их уст доносилось только жужжание.

Гости спросили, как поживает Великий Гона и его семья, затем пригласили Илиади и Иешуа в дисколет.

Юноши без промедления проследовали за ними, Иаков и Иосиф же остались стоять, как окаменелые статуи. Они посмотрели друг на друга только тогда, когда Айязеты, пропустив вперед Илиади и Иешуа, скрылись в дисколете. Обескураженные, Иаков и Иосиф даже слегка испугались, как бы их не оставили одних.

В дисколете светил сиреневый свет. В овальной кабине находился мерцающий разными цветами пульт управления и стеклянный монитор во всю округлую стену. Рядом с пультом управления стояли три высоких кресла для пилотов, сделанные из непонятного материала – такого же, как и весь дисколет со всем его оборудованием. С противоположной стороны был примерно такой же пульт управления с тремя креслами. На мониторе были ясно видны Иаков и Иосиф с окаменевшими и пораженными лицами.

Между пультами управления неслышно отворилась дверь, и в кабину вошел обыкновенный человек выше среднего роста, со светлыми волосами, который ничем не отличался от Илиади и Иешуа, более того, он даже чем-то походил на Илиади. У него были длинные светлые волосы, зеленые, с длинными ресницами глаза, открытый высокий лоб, прямой нос, чуть бледное, может быть, от сиреневого света лицо, четко очерченные губы, массивный подбородок без усов и бороды, развитые руки и плечи. На нем, так же как и на гуманоидах, был облегающий серо-зеленый комбинезон с овальной эмблемой на груди. Возраст человека определить было трудно – скорее всего, он был среднего возраста, хотя кто знает?

Мужчина, чуть заметно улыбнувшись, поздоровался на арамейском языке. Иешуа и Илиади, ничуть не удивившись, ответили ему и тоже улыбнулись. Незнакомец спросил сначала про Великого Гону, потом про жрецов, а затем сообщил, что они прибудут за грузом на третьем новолунии, но за каким именно грузом, не сказал. Потом он взял у стоящего рядом гуманоида плоскую платиновую пластину и протянул ее Илиади.

– Эту книгу передай Великому Гоне, – сказал незнакомец.

Илиади, склонив голову, почтительно принял пластинку.

Гость обратился к Иешуа:

– Вижу, дорога не утомила тебя, мы ждали тебя еще раньше. Хорошо, что ты сблизился с Илиади, возможно, в дальнейшем вам предстоит путешествовать вместе.

Иешуа в ответ только кивнул.

– Иешуа, меня зовут Хидон, мы будем часто встречаться, но лучше, чтобы твой брат и друг не знали о нашем контакте.

Иешуа опять кивнул.

Хидон коротко расспросил его о впечатлениях от путешествия и попрощался.

Когда они вышли из дисколета, Иаков и Иосиф все еще стояли, словно окаменев, на месте. Лестница сложилась, и через несколько минут опять послышался свист. Дисколет снова осветил все вокруг и поднялся в воздух. Набрав высоту, он резко рванул на восток, затем вверх и исчез, будто его и не было.

Иаков и Иосиф только сейчас пришли в себя. Илиади сунул пластину в суму и сказал, что можно еще немного поспать – возвращаться домой лучше после восхода солнца. Иаков и Иосиф согласились, хотя вопросы крутились у них на языке.

Когда юноши проснулись, уже давно рассвело.

Обратно к дворцу возвращались тайными тропами в обход деревень. Когда они дошли, был уже полдень. Иаков и Иосиф ничего не помнили, приговаривая, что видели странный сон, на что Илиади и Иешуа только тихо смеялись – Илиади потому и предложил поспать, чтобы они забыли происшедшее.

Как только они вошли во двор, Илиади послал мальчика к распорядителю по гостям с просьбой приготовить баню, а сам сразу же направился к верховному жрецу, чтобы передать пластину, врученную ему Айязетом, и подробно рассказать о происшедшем, о реакции и эмоциях юношей, обо всем увиденном и прочувствованном.

– Иешуа и вправду один из них, учитель. Айязеты пригласили на встречу только его. Хидон знал, что он был у нас, сказал, что его ждали раньше и что они будут часто встречаться, – Илиади слово в слово повторил то, что сказал Хидон.

– Значит, все подтвердилось... – сказал верховный жрец.

– Да, у него на все была очень естественная реакция, как будто он все это знал и видел раньше. Когда прекратилось свечение, Иешуа сказал: «Там мой отец, в свое время он меня заберет», чем привел в замешательство своего брата Иакова.

– Неудивительно, что он не знает. Возможно, с сегодняшнего дня он поверит его словам. Хотя... В каком они были настроении после увиденного?

– Иаков и Иосиф сначала остолбенели, как в забытьи. Утром мы заснули, а когда проснулись, они ничего не помнили. Думают, что видели все во сне. Мы с Иешуа над этим посмеялись, и после этого они больше ни о чем не говорили, всю дорогу шли молча. Заговорили только, когда приблизились к дому.

– Сейчас не помнят, но придет время, и эта встреча всплывет в их памяти. А про хранилище они не расскажут?

– Нет, они благодарны вам за доверие и чувствуют большую ответственность.

– Хорошо, иди присмотри за ними; искупайтесь и поешьте, потом опять вернитесь к учебе. Вечером я позову тебя.

Через час уставшие от дороги и впечатлений друзья уже отдыхали в горячем бассейне. Сняв усталость, они вышли из воды.

Вдруг Иаков воскликнул:

– Иешуа, Иешуа, смотри, у него ноги такие же, как у тебя! – и показал на ноги Илиади.

Иешуа и Илиади посмотрели на пальцы ног друг у друга. У обоих юношей были сросшиеся третий и четвертый пальцы.

– Мама говорила, что такие пальцы – знак свыше и он есть только у тебя, а смотри – у Илиади точно такой же знак свыше!

Илиади и Иешуа с теплой улыбкой смотрели друг на друга, они чувствовали, что стали еще ближе. Иаков и Иосиф смотрели на их ноги и смеялись.

\* \* \* \* \*

Верховный жрец Гона только через месяц пригласил Иешуа для разговора. Иешуа был уже совсем другим. Дорожные впечатления были в прошлом, и он полностью погрузился в учебу. Новые эмоции и переживания перекрыли прежние впечатления, глаза его были спокойны и полны любознательности, в нем чувствовались внутреннее спокойствие и уверенность в себе, его аура сияла еще сильнее. Успехи в учебе тоже радовали и воодушевляли его. Такого тепла, веры, сочувствия и любви он не ощущал нигде: ни на родине, ни в школе назаретского братства, ни в собственном доме. Братья с завистью смотрели на проявление его выдающихся талантов, на особое внимание к нему просветителей.

Долго слушал Гона рассказы о дорожных впечатлениях и переживаниях, он видел, что беспокоило юношу, куда нужно было его вести, какая дорога соответствовала его таланту. Иешуа говорил о том, что увидел и изучал в монастыре. Верховный жрец остался доволен его искренней речью и оценкой. Он сказал:

– Сын мой, Иешуа, разум – это не только знание. Если знанию не сопутствует энергия, приводящая его в действие, оно мертво так же, как брошенная книга, которую никто не перелистывал. Однако для того, чтобы направить и использовать энергию правильно, нужны и разум, и смелость. Если ты будешь жить со страхом, что твои знания и мысли не будут поняты, что им будут противиться, ты никогда не выйдешь за темные стены, твои познания никогда не осветят тьму. Знаешь, Иешуа, многие члены братства погибли на глазах своих учеников во время проведения опытов, когда соединение двух неизвестных вызывало взрыв или приводило к болезни или смерти. На все Божья воля, но они не прекращали опытов, не переставали углублять и передавать знания. Для того чтобы донести до людей твое слово, знания, мысли, тоже нужны энергия и смелость. Ты приобретешь много врагов, когда твои знания и вера столкнутся с чьими-нибудь интересами. Будь готов к тому, что их будет много. Недостаточно быть сыном Господа, их много вокруг нас, главное, как ты выполнишь Его волю. Ищи истину во всем, что увидишь здесь, Бог во всем, и эту истину ты должен передать людям.

Иешуа, опустив глаза, внимательно слушал верховного жреца, лишь изредка поглядывая на него и кивая головой. Ему нравился верховный жрец – он не походил ни на одного из тех жрецов, которых доводилось встречать юноше, ни учением, ни речью, ни стилем жизни.

– Сын мой, Иешуа, наше предназначение – весь период своего существования помогать людям, однако мы не предлагаем себя для поклонения. Сами люди склонны создавать себе кумиров и поклоняться им, потому и созданы идолы Гоны. Пришедшие завоеватели навязывают людям своих идолов, которые по существу не отличаются от остальных. Они не служат повышению человеческой духовности, не помогают людям в просвещении и познании окружающего мира. Их суть основана на приземленности и быте, они сковывают свободу мышления и направлены на порабощение, а не на освобождение. Ни Заратуштра, ни Атгис, ни Митра не отличаются высокой духовностью, они не могут изменить духовный мир человека, наоборот, люди изменяют их. Культ, который потерял свое предназначение, не может принести людям добро, напротив, он сеет зло. Ты должен это предусмотреть.

Жрец сделал паузу.

– Иешуа, твое призвание – дать людям свет, но не забудь дать им средство защитить его, сохранить и передать потомкам. Силы зла попытаются опять заменить свет тьмой, поскольку зло всегда будет существовать рядом с добром и светом. Не давай возможность исказить твое слово, патриции способны выпотрошить все разумное и оставить от него только оболочку, а в дупле опять поселятся Люцифер и Ахриман и будут проповедовать оттуда голосом Разума...

Иешуа с удовольствием слушал учителя, который коснулся именно тех струн его души, которые несколько лет назад заставили его замкнуться в себе.

– Иешуа, сын мой, ты видел, что достаем мы из земли?

Иешуа кивнул.

– Золото, серебро, хлеб насущный, все идет от земли, но это пробуждает в людях зависть, злобу, эгоизм и сближает их с Ахриманом, битва за спасение их душ длится вечно. Ты должен принести из космоса новую Мудрость и новое Слово, чтобы спасти их. Человек потерял предназначение, данное ему Создателем. Еще немного, и никакая сила не сможет подчинить его себе, ни один пастырь не сможет направить человека к добру. Люди больше не понимают древней мудрости и слова, им нужны новые. И принести их должен ты. Можно познать мудрость разных учителей и жить этой мудростью, но для того, чтобы донести свое Слово, нужно иметь свою мудрость, нужно исполниться собственной мудростью. Мое предназначение не в том, чтобы дать тебе Слово, которое ты донесешь до людей, я должен показать тебе путь, кото-

рым ты дойдешь до своей мудрости и найдешь свое Слово. Сегодня главная проблема человека – отяжеленная грехами душа. Когда хетты отреклись от посланцев космоса, а затем убили их, хеттская столица Хатуса была доведена грехами до уничтожения. Хетты вызвали гнев космоса, и на их головы снизошли ярость и уничтожение. Их кирпичные дома превратились в жидкую массу, а люди в пепел. С тех пор там ничто не росло, и земля, и вода были отравлены. Те, кто выжил тогда – и люди, и животные, – потеряли свое лицо и рожали двуглавых потомков.

– Когда это произошло, учитель? – ошеломленно спросил Иешуа.

– Источник рассказывает, что это произошло около 1500 лет назад. Грехи, совершенные в Хатусе, свойственны многим, потому наказания нужно ждать вновь. Однако это вина не только людей, виноваты их жрецы. Они сами живут в грехе, поэтому их слово не доходит до людей. Боги и идолы не могут достучаться до человеческих душ, служители культов ограничиваются лишь жертвоприношением. Иешуа, ты должен проложить людям дорогу к духовному миру, дать им направление. В первую очередь в нашем грешном мире должна наступить новая эпоха, и в эту эпоху ты должен научить людей мыслить по-новому, дать им новые молитвы, чтобы они обращались к одному духовному отцу. Иначе человечество погибнет...

За один год учебы в братстве Гоны молодой Иешуа полностью изменился, изменились его видение и мышление. Он опустошил свое тело, душу и разум, очистил их так, как очищают сосуд, чтобы наполнить его новым содержимым. Он освободил душу и разум для нового учения и воистину божественной духовности. Это дало ему возможность оздоровления и осознания своего истинного предназначения, своей миссии.

После этого магическая сила, которая и раньше исходила от него, возросла в десять раз. Это окрылило его и придало уверенности. Уже через несколько месяцев, когда он покинет братство Гоны и Иберию, на пути в Индию он сможет попробовать свои силы, проповедуя как апостол космоса и мессия. Иешуа еще не был Христом, он был еще на полпути, освободился от старого и наполнялся новым – это и было сутью учения Гоны. Это учение так и осталось в тайне, как и страна, в которой он получил ее.

Через год Илиади, Иешуа и Иосиф выступили в направлении Индии. Иаков не смог поехать с ними из-за болезни и продолжил учебу в братстве. Когда юноши оставили Эгрисское царство и перешли в восточную часть Иберии, на несколько дней они остановились в Уплисцихе, в братстве Гона.

Когда Иешуа и Иаков увидели Уплисцихе, они почувствовали себя как в Кумране – о нем напомнили города, высеченные в камне. У шумеров в строительстве таких городов был свой стиль. Из Уплисцихе они отправились в Мцхету, где увидели величественную статую Армазского идола. Взволнованные новыми впечатлениями, на второй день они направились на юг.

Верховный жрец Гона передал Илиади книгу и письмо, которое тот должен был отвезти в Персию, в город Персеполис к волхвам Хоре, Луне и Мере, которые по звезде на иерусалимском небе предсказали рождение мессии.

Когда юноши приехали в Персеполис, им встретился Каспар – мудрый учитель страны волхвов, вместе с ним были мудрецы Зара и Мелзон. Они приняли молодых людей и вместе с ними провели ритуал молчания, принятый в братстве Шамбала, который длился семь дней. Семь дней они ничего не ели и не разговаривали. После семидневного пребывания в молчании мудрецы благословили юношей и отправили в путь.

С их помощью молодые люди присоединились к каравану индийского принца Раваны, который, посетив Египет и Иудею, возвращался в Индию. Принц был доволен знакомством с юношами и особенно беседами с Иешуа. Несколько месяцев спустя они переправились через Инд и добрались до Орисы, где находился дворец принца.

Жрецы-брахманы с радостью и уважением встретили принца и его гостей. После беседы с юношами они приняли их учениками в храм Джаганатха.

Жрецы были поражены познаниями гостей. В храме друзья сблизилась с молодым брахманом по имени Ламаас Брам.

Год прожили юноши в храме у брахманов, после чего вместе с Ламаасом вышли в долины Ориса и Ганга. Они дошли до города Бенареса, находящегося на берегу Ганга, который славился своей высокой культурой, знаниями и учеными. Здесь молодые люди посетили знаменитого индийского йога и целителя Удрака, у которого обучались приготовлению лекарств и лечению. Удрака учил их использовать во время лечения воду, растения, землю, жар и холод, солнечные лучи и тень, свет и тьму. Удрака поведал ученикам закон здоровья и сказал, что тот, кто живет по этому закону, никогда не болеет. Нарушение этого закона – грех, и тот, кто грешит против природы, – болеет. Кто соблюдает законы, тот сохраняет равновесие праны во всех органах, только так устанавливается истинная гармония. Уравновешенная в организме энергия ян и инь – здоровье, нарушение равновесия – болезнь.

Юноши удивились тому, что такое же объяснение они слышали от ламы, который обучал их йоге и медицине в братстве Гоны. Особенно удивляло их то, что у так далеко живущих друг от друга ученых философия здоровья совпадает.

Конечно, сила воли – самое сильное лекарство, и ее укреплением можно восполнить слабость организма и излечиться. Если человек поверил в Бога, природу и в себя самого, он знает силу слова, и его слово – и бальзам для ран, и лекарство от любой болезни. Целитель тот, кто может внушить веру в исцеление, потому что весь мир ментален... Силен тот человек, чья душа обширна, кто может проникнуть в чужую душу, дать надежду тому, кто ее потерял. Дать веру тому, кто не верит ни в Бога, ни в природу, ни в людей... полные злобы люди не живут долго. Люди Земли часто болеют своими тяжелыми мыслями и эгоистичными желаниями и рано умирают.

Юноши часто путешествовали и встречались с известными мудрецами, йогами и аскетами, а также с разными интересными людьми, факирами и даже с шарлатанами, которые выдавали себя за значительных деятелей. Это было для них большой школой и опытом. Иешуа несколько раз проповедовал на святой земле древней Бхараты и сразу привлек большое внимание народа, так как проповедь этого юноши не была похожа ни на одну проповедь индийских ученых и мудрецов.

После четырех лет совместного путешествия Илиади и Иосифа направились обратно в Иберию, а Иешуа остался в храме Джаганадхаты, где провел еще два года. Он часто спорил со жрецами о разделенном на касты обществе в Индийском царстве. Иешуа говорил им: «Скажите, почему ваши люди разделяются на касты? Разве люди не равноправны перед Богом?» Белобородый брахман отвечал ему: «Первый белый человек произошел от лица Брахмы, поэтому был назван брахманом. Брахману не нужно было трудиться, он был призван служить Богу, быть жрецом и учителем. Второй человек – Кштар – был краснолицым и произошел из рук Брахмы. Он отличался непреклонностью, силой, смелостью. Кштар был создан, чтобы управлять, быть воином, защитником жрецов и святынь. Из внутренних органов Брахмы был создан третий человек, которого называли Ваише. Он был желтым, должен был обрабатывать землю, разводить скот и птиц, быть ремесленником и торговцем. Из стопы Брахмы произошел четвертый человек – Шудра – черный, ему полагалось служить всем остальным и исполнять тяжелую физическую работу. Шудра должен прислуживать расе людей, у него неразвитое мышление, и поэтому он не имеет права знать то, что предназначено для других...

– Значит, Парабрахман не является богом справедливости, – со свойственной ему прямотой протестовал Иешуа, – потому что собственной рукой одних возвышает, а других унижает. Этим он вызывает только несправедливость, недовольство и беспорядок. Мне кажется, что Всевышний создал всех людей равными.

В таких спорах Иешуа участвовал внутри храма, а за его стенами встречался с простыми смертными и проповедовал им. Очень скоро о нем узнали многие, и со всех концов страны к

нему потянулись люди. С каждым днем росла популярность Иешуа и любовь к нему, что не могло не вызвать обеспокоенности жрецов-брахманов.

Во время одного из споров жрецы напали на Иешуа, связали ему руки и пленили его, требуя покарать его смертью за оскорбление Брахмы. Тогда вмешался его друг Ламаас и обратился к жрецам: «Будьте осторожны, жрецы Брахмы! Вы не знаете, что творите, пока не узнаете того Бога, которого проповедует этот юноша. Я видел его во время молитвы, его тело светится сильнее солнца. Будьте осторожны! Его Бог может быть сильнее, чем Брахма».

Тогда жрецы были вынуждены изгнать Иешуа из храма. Изгнанного из храма приняли купцы и простые люди.

В городах и деревнях он проповедовал о равенстве людей. Тысячи вайш и шудр восхищенно слушали Иешуа, проповеди которого вскоре распространились по всей Индии. Его непреклонность взволновала простой народ Индии, многие из них группами следовали за ним из деревни в деревню, из города в город.

Жрецы и правители были напуганы тем, что Иешуа проповедовал всеобщее братство, равенство и равноправие, отрицал обязательность жрецов, храмов и жертвоприношений. «Ни один из них не нужен, Бог в нас и с нами – без храмов и жрецов».

Иешуа раскачал основы брахманизма, показал немощность индийских богов, объявил грехом их ритуалы и жертвоприношения. Народ выходил из-под контроля жрецов, отказывался подчиняться их диктатуре.

Жрецы из всей Индии собрались и созвали совет.

Один из жрецов заявил в храме: «Если он так продолжит, начнется бунт, простой народ восстанет, и в урагане этого восстания пропадет все – жрецы и храмы, цари и правители». После этого жрецы устроили заговор – они захотели убрать Иешуа из Индии, а если не получится – убить.

Об этом сговоре узнал Ламаас и посоветовал жрецам прийти в себя, но они избili его и, окровавленного, выбросили из храма. Ламаас сообщил другу о сговоре, о том, что его хотят оклеветать и изгнать из Индии или убить.

Иешуа не испугался, он отказался от требования правителей оставить княжество, чтобы спасти свою жизнь. Тогда к нему послали солдат, но люди, которые были с ним, не дали пленить его. Обстановка в Бенаресе с каждой минутой становилась все напряженнее, правители и жрецы ничего не могли сделать. Тогда за большие деньги они наняли убийцу, чтобы тот убил Иешуа, но Ламаас опять успел вовремя предупредить его.

Ночью Иешуа покинул Бенарес и вместе со спутниками переправился в Непал. По дороге его с радостью встречали простые люди. После многодневного путешествия проводники привели его в город Капилавасту. Здесь он познакомился со жрецами храма Будды, которые с радостью приняли его в своем храме. Он часто встречался здесь с мудрецом Вилиапатам и подружился с ним. С течением времени Иешуа посетил многие города Северной Индии. С рекомендательным письмом Вилиапата он пришел в Тибет, где в Лхасе его приняли в храме великого учителя Тибы. В этом храме хранились рукописи древнейшего тайного учения.

В Тибете Иешуа не проповедовал, только учился. Он изучил тибетский и санскрит, чтобы прочесть древнейшее божественное учение. Иешуа познакомился с величайшим мудрецом Востока Менг-Сте и получил разрешение ознакомиться со всеми тайными рукописями. Они часто беседовали о новой эпохе и о священном служении в новой эпохе. Эти беседы напомнили Иешуа Гону – мысли этих двух людей из разных частей света были очень похожи.

Через год Иешуа отправился в Шамбалу в Гималайском ашраме, где все свое время в течение шести месяцев посвятил изучению крийи-кундалини йоги. Он стал членом древнейшего гималайского братства «Белых братьев», с их помощью еще раз встретился с Хидоном, с которым говорил в дисколете, и на этот раз они беседовали намного дольше.

После этого он отправился на Запад, к Египту. По пути он останавливался в городах и селах, проповедовал и учил. Наконец достиг города Ладакха в краю Леша, где его с большим почетом приняли монахи и простые люди. Он жил и проповедовал в монастыре, после чего опять отправился дальше.

Интересные и трудные годы провел Иешуа в Индии, откуда, полный новой энергии, знаний и опыта, он отправился на родину.

Когда он добрался до Персии, ему было уже около 27 лет, однако строгий образ жизни, голод, медитация, проповеди, мысли о том, чтобы донести до людей божественную правду и свет, отразились на его внешности, и он выглядел намного старше. Иешуа останавливался во многих городах и селах, проповедовал, учил и лечил людей.

Правители и жрецы и здесь были недовольны, так как Иешуа говорил об их жестокости, а простой народ сопутствовал ему повсюду.

В Персии Иешуа опять встретился с мудрецом Каспаром, который проводил его до долины Евфрата. Спустя несколько недель он переправился через Иордан и вернулся домой, где его радостно встретили мать и сестра, а из братьев – только Иаков.

\* \* \* \* \*

Друг Иешуа Иосиф был тем юношей, который через годы, после разногласия, происшедшего в назаретском братстве ессеев, оставил братство и вместе с другими членами последовал за верховным жрецом Иахином Иаханной (Иоанном Крестителем). Таким образом, они отмежевались от Иешуа и создали другое братство. В дальнейшем они будут известны как члены мандейского ордена, во главе которого встанет Иахин Иаханна. После его смерти предводителем и верховным жрецом ордена станет Иосиф. В деятельность ордена он внесет строгие правила и философское учение Гоны. С течением времени религиозный орден превратится в тайного покровителя учения братства Гоны, а его члены будут стремиться к повышению только своего философского смысла и духовности.

В ордене между его членами были запрещены разговоры и споры о политике и религии, что способствовало объединению в братстве представителей разных религий и верований. Введенные ими порядки и образ жизни позволяли представителям разных вероисповеданий и принципов жить в мире и согласии. По современным понятиям, они ввели институт примирения. Если в исламском мире до сих пор сохранились небольшие группы христиан и иудеев и их культовые сооружения, то это заслуга философии мандеев.

Большая заслуга ордена мандеев – сохранение древнейших знаний и источников, которых не коснулась рука монархов и их летописцев. Они независимо описывали религию, историю, заслуги и достижения народов и государств.

Иосиф на базе религиозной секты смог заложить основание великого ордена, который сохранился на века. При помощи своих тайных возможностей орден веками оставался центром влияния на мировой уклад жизни.

Несмотря на разногласия с Иешуа, Иосиф оставался его верным другом. До конца жизни он был согласен с космическим значением Иисуса и его божественным происхождением. В современном ордене мандеев и сегодня упоминают Иешуа под его псевдонимом Иши Мшиха, назаретский мессия, мятежный еретик, который отделился от иудейской церкви.

Мандейский орден со своим укладом и ритуалами стал основоположником многих новых тайных орденов, которые существуют и поныне. Ритуалы всех тайных орденов были созданы двумя направлениями назаретян – ессеями и мандейцами.

После пяти лет путешествия с Иешуа и Илиади по Индии Иосиф вернулся вместе с Илиади в Иберию, а затем в Кумранское братство.

Через годы он вспомнит виденный на горе Гона дисколет, их встречу с гуманоидами, что утвердит его в уверенности о космическом происхождении Иешуа и Илиади.

Младший брат Иешуа Иаков из-за слабого здоровья не смог посетить вместе с братом Индию и поэтому еще три года оставался в братстве Гоны. Затем, вооруженный новыми знаниями, он вместе с другими кумранитами вернулся в Кумранское братство.

После возвращения Иешуа в Кумран он на какое-то время окажется в рядах противников брата, но вскоре вернется к сторонникам Иешуа. Иаков и Иешуа так были похожи друг на друга, что различить их могли только хорошо знавшие их люди. Когда римляне с помощью фарисеев арестовали Иешуа, многие не верили этому, потому что, замечая Иакова в рядах его сторонников, думали, что это Иешуа.

Уже после распятия и воскресения из мертвых Иисуса Христа Иаков займет его место и встанет во главе Назаретского братства ессеев до его уничтожения. Также он станет главой Иерусалимской церкви и всего христианского учения, которое отделится от церкви сначала как секта, а затем, в семидесятые годы, сформируется как христианская религия.

Он будет во главе до тех пор, пока между последователями Иисуса Христа вновь не произойдет раскол. После раскола братство возьмет на себя роль церкви и станет первой христианской церковью, первыми десятью епископами которой будут члены Назаретского братства.

Во времена Иакова проповеди велись не на иврите, а на арамейском языке, что еще больше отдалило его от иудеев и еще больше увеличило количество последователей Христа. Иакова еще при жизни прозвали Иаковом Праведным, однако история, вероятно посредством теологов Римской церкви, снизила его роль в создании христианской религии. Только ученики Иисуса стали признанными среди христиан святыми, и только их Евангелия изучают современные христиане.

Илиади после своего дяди, верховного жреца Гоны, сам станет верховным жрецом Гоной. До этого он будет путешествовать по Индии с Иешуа и Иосифом. Через пять лет, в 23 года, он вместе с Иосифом вернется в Грузию, а Иешуа останется в Индии и только через пять лет вернется в Кумран, в Назаретское братство. К этому времени и Илиади побывает там, и четверо друзей встретятся вновь. Они будут строить совместные планы одновременного восстания против римлян, однако произойдут разногласия в сроках – Иешуа посчитает, что оно должно произойти в ближайшие годы, остальные будут утверждать, что ни люди, ни братства не готовы к восстанию и ускорение сроков будет невозможным и пагубным.

К тому времени, когда Иешуа возвратился из Индии, в братстве уже насчитывалось около четырех тысяч человек. Своими строгими правилами и принципом строгой таинственности братство больше походило на национально-освободительную организацию, чем на религиозную секту. Позиция Иешуа в связи с тем, что они должны были начать борьбу и повести за собой народ, вызвала разногласия среди членов братства. Иахин Иаханна вместе со своими сторонниками отделился от братства ессеев и создал свой орден, известный под именем Мандейского, большинство членов остались с Иешуа как радикальное крыло братства.

Восстания не произошло, потому что римляне пленили Иешуа и распяли его на кресте. Оставшееся без предводителя и учителя, братство не смогло претворить в жизнь его замысел. Большое восстание произошло только через тридцать пять лет, в 68 году, и длилось до 70 года. Римляне его подавили, жестоко расправившись с восставшими, после чего братство распалось. Некоторые члены братства присоединились к Мандейскому ордену, которым к тому времени руководил Иосиф, некоторые пошли на север и поселились в восточной части Римской империи, в Византии.

Время начала восстания было выбрано правильно, так как и в провинциях, и в самом Риме зрело недовольство правлением Нерона.

После начала восстания в Иудее Нерон послал легион, во главе которого поставил Цестия Галла. Восставшие его жестоко разбили. После этого Нерон послал на подавление восстания Веспасиана Флавия.

В течение двух лет римляне не могли управлять ситуацией в Иудее и Иерусалиме. Этому способствовала напряженная ситуация в самом Риме. Борьба за власть привела империю к гражданской войне.

Нерон покончил жизнь самоубийством. Его заменил Гальба. Преторианцы устроили заговор, убили Гальбу и избрали императором Вителлия. В том же 69 году, вновь при помощи заговора, Вителлия свергли и провозгласили императором Отин. После этого Вителлий ввел в Рим легион германцев. В битве между Отин и Вителлием Отин потерпел поражение, и Вителлий взял власть в свои руки. Однако сохранить власть ему не удалось.

К этому времени Веспасиан добился успеха в Иудее, он не захватил лишь Иерусалим, однако эти успехи способствовали его назначению правителем восточной части империи.

В тот же год Веспасиан поразил войско Вителлия, в результате чего сенат и легионы при поддержке провинций объявили его императором. После утверждения своей власти Веспасиан сумел подавить иерусалимское восстание, после чего сровнял с землей Иерусалим, разрушил храм, а жителей превратил в рабов. Небольшие группы восставших еще некоторое время тщетно пытались сопротивляться, однако тщетно.

Начатое назаретянами восстание повлияло на всю империю. В тот же период восстания охватили и другие провинции: Галию, Германию, Испанию, Британию – в результате чего Британия отделилась от империи.

В том же 69 году началось восстание и в Иберии, а причиной явилось нападение римлян на братство Гоны, которое готовило народ к восстанию. Время для восстания в Иберии было выбрано не случайно – из Рима пришла весть, что 15 января 69 года преторианцы убили Гальбу и его пасынка, а императором поставили Отина. Этот момент использовал бывший командующий войском царя Парсмана – Аникет, который и начал восстание, закончившееся победой – восставшие даже взяли Трапезунд. Однако Отин послал новое войско и разгромил Аникета, который укрылся в долине реки Хобисцкали, неподалеку от Чхороцку, где предатели выдали его римлянам.

Так плачевно закончилось успешно начатое восстание.

А до этого членам братства Гоны пришлось покинуть Иберию, так как их стоянки и храмы были разграблены. Часть братьев пошла на юг и присоединилась к родственным братствам, часть объединилась с Мандейским орденом. Сам Илиади Гона, как утверждают мандейцы, отправился к западной звезде Мерика. По некоторым версиям, Хидон переправил его на дисколете сначала в Тибет, а затем в Перу.

По мнению Иосифа, именно Хидон взял Иешуа с Оливковой горы, после того как отнял у римлян его тело и оживил.

О том, что было дальше, история умалчивает. Встретились ли Иешуа и Илиади? Можно предположить, что встретились, поскольку оба были богорожденными и благословенными.

Жизнь Иамзе сложилась не менее странно – после отъезда Иешуа, летом того же года, она забеременела. Во дворце все были поражены этим фактом. Как случилось, что девственница, к которой не прикасался ни один мужчина, забеременела? Только ее дядя Гона знал о том, что случилось и чей ребенок родится у Иамзе.

Он успокоил своего брата и невестку, сказав, что их дочь невинна и родит ребенка от Иешуа. Они любили друг друга, сильные телепатические волны установили контакт между ними, и она родит ребенка от богочеловека, который сам явился в этот мир путем непорочного зачатия. Иамзе родила близнецов, девочку и мальчика, однако их будущая жизнь – уже совсем другая история.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

Было дождливое утро, пятница 21 октября 1994 года. Осень уже собралась с силами и минорными серыми днями готовила людей к зиме.

В Женеве такие пасмурные дни в это время года не редкость, но Илья никак не мог к ним привыкнуть, и настроение у него от них портилось.

С постели он встал взбудораженный. Приснившийся сон не давал ему покоя, он искал объяснения ему, но найти не мог.

Илья выглянул в окно, выходящее на сквер. Затянутое облаками небо было стального цвета, оно как будто опустилось и сеяло мелким дождем. Это еще больше испортило ему настроение.

Был четвертый день, как он вернулся в Женеву. Ирен вернулась вчера – две недели назад в Москве на Ваганьковском кладбище похоронили ее бабушку. Илья встретил Ирен с родителями в аэропорту и проводил их до дома. Вечер они провели вместе.

Ирен жаловалась, что много пропустила в университете и придется наверстывать, до Нового года нужно будет работать, не поднимая головы. Илья не только не возражал, но и поддерживал ее.

До отъезда в Москву переживания Илья по поводу того, как выбраться из резиденции старика и никого при этом не обидеть, сами собой развеялись. Смерть бабушки Ирен уладила этот вопрос. Старик и Борис Брон приняли информацию об отъезде молодых людей очень болезненно. Конечно же, они старались этого не проявлять, однако во время расставания в глазах у обоих можно было прочесть тоскливый вопрос: «Вернутся они к нам или нет?» Борис сразу предложил свой самолет, Илья принял предложение и вместе с родителями Ирен полетел в Москву.

Нога у него уже не болела, костыль он давно выбросил. В Москве о его ранении никто и не узнал, но из-за произошедшего было все-таки тяжело на сердце. Убийство человека, хочешь не хочешь, оставляет глубокий след в памяти, и душевные переживания долго не проходят.

События того дня тысячу раз прокрутились у него в голове. Несколько раз он видел все во сне, в самый неподходящий момент вспоминалось, всплывало в памяти, особенно когда думал о деле, что страшно мешало ему.

Илья ничего не знал о результатах следствия – о том, как шло дело, Борис ничего не говорил, а его никто не тревожил. Отсутствие информации еще больше портило настроение. Он признавался себе, что дело старика его интересовало и даже беспокоило, но он не знал, что делать.

Илья был уверен, что старик очень переживал из-за его ухода, и, возможно, это усложняло его положение. Звонок Бориса десять дней назад указывал именно на это. Разговор не был похож на обычное приветствие или любопытство по поводу того, как прошли похороны бабушки Ирен. Наверное, он хотел узнать, собирается ли Илья возвращаться, но прямо не спросил.

Илья и сам хотел пойти и увидеться с ним – у него оставалось чувство, что он не дочитал до конца интересную книгу. Судьба старика и так была для него ясна, но Илью мучило любопытство. Он как будто придумывал финал сюжета вместо автора. Однако было одно большое «но», которое удерживало его от их посещения: опять возникла бы проблема, как оттуда выбраться. Его визит наверняка был бы воспринят как согласие с предложением остаться с ними, уйти от разговора об этом было бы невозможно. Однако Илья чувствовал, что не может преодолеть внутреннее противоречие, вызванное в нем делом и организацией этих людей. Он также хорошо понимал, что если он сунется в это дело, дороги к отступлению у него не будет.

Но червь любопытства грыз его постоянно, не давая покоя. Он всегда упрекал в этом Ирен, а сейчас сам оказался в таком же положении.

Илья искал аргументы, чтобы как-то оправдать свое желание. Ведь могу же я считать их своими родственниками?.. Да, почему бы и нет, дальними родственниками. ...Мы, адамово потомство, все считаемся дальними родственниками. Хотя у них есть примесь моей крови... Однако лучше кровного родства родство ментальное. Как там у Пифагора: «Я предпочитаю иметь в друзьях того, кто меня понимает, пусть он будет мне незнаком, а не родственника, который понятия не имеет о моих взглядах».

Наряду со всем, что касалось старика, Илью больше всего интересовало его уникальное книгохранилище. Сколько раз он думал о том, чтобы еще хоть раз попасть туда!

Накинув халат, какое-то время Илья ходил взад и вперед по комнатам, пытаясь разобраться в своих мыслях. Что-то его беспокоило, какая-то тяжесть лежала на душе, было непонятно, откуда и почему у него было такое настроение. «Погода? – Нет, глупости. – Вроде все остальное в порядке. Что тебя будоражит? – Не знаю, только что-то меня сильно беспокоит. – Может, выпьешь стаканчик? – Да что ты, с утра пораньше? Да, хороши мои дела! – Тогда загляни в ковчег своей души, может, набредешь на что-нибудь путное. – Ты что, смеешься? Если я туда загляну, совсем потеряюсь. – Так зачем ты теряешь время? Жизнь измеряется секундами, а ты меряешь днями. Ты думаешь, что опять находишься в пустыне, где теряется чувство времени. Постоянно возникают вопросы, но не у всех вопросов есть ответы, потому что нас Бог миловал от того, чтобы все знать. Не мучайся напрасно и не теряй времени. Возьмись и делай то, что нужно. Сам успокоишься и других обрадуешь. – Кого? – Не притворяйся. Ты хорошо знаешь кого. – Какой ты демагог! Только на нервах играешь! – Это чтобы вывести тебя из иллюзий. – Вся жизнь иллюзия, тогда выведи меня и из жизни. – Это он решит без тебя! – Кто? – Смотри вверх. – Да пошел ты! – Ты еретик! – А ты немой раб! – Иногда лучше замолчать! В каждом человеке есть ересь, но умные люди умеют быть сдержанными. – Вот и немеют на всю жизнь. – Слово – серебро, молчание – золото. – У серебра тоже хорошая цена на рынке. – Серебро чернеет. – Вот еще новость, тогда золото чаще воруют! – Напрасно теряешь время, до сих пор ты мог многое успеть. – Я не могу, как другие, безмолвно провести всю жизнь. – Ну и пеняй на себя! Ты уже видел, чем все может кончиться. – Не пугай, у каждого своя судьба. Судьбу не обманешь. – Эта судьба не только твоя! – Отстань! – Не становись ипохондрикком, делай дело...»

Борьба с собой не давала Илье покоя. Через некоторое время он мысленно опять вернулся к старику, а затем все произошло само собой – он побрился, оделся и уже через полчаса вошел в гараж гостиницы «Интерконтиненталь». Менеджер Саид арабского происхождения отвел его в сторону и сообщил:

– Несколько дней назад тебя спрашивали какие-то два типа, спрашивали меня, не знаешь ли, когда ты приедешь.

– Арабы?

– Да, по акценту один был ливанец, другой – не знаю.

– Что ты им сказал?

– Сказал, не знаю. Что еще я мог сказать?

– Камера наблюдения работает?

– Работает.

Илья достал стофранковую купюру и сунул ему в карман:

– Если придут еще раз, зафиксируй и покажи мне, интересно, кто такие.

– Что им сказать?

– Скажи – не знаю, оставьте телефон, позвоню, хорошо?

– Договорились! Если что, позвоню. Надеюсь, Илья, ничего серьезного?

– Не беспокойся, ты человек умный, не ошибешься.

Илья выпил кофе в гостиничном кафе и уже через десять минут сидел за рулем BMW.

Как будто какая-то сила управляла им и заставляла действовать против своей воли. Как он оказался на автобане, чего хотел, куда ехал – было неизвестно. И машина, и он сам были словно на автопилоте. Он пришел в себя только тогда, когда оказался возле того поворота в Лозанне, который вел в сторону старика. По этому пути он проезжал всего один раз, когда привез старику лекарство из Тбилиси. Тогда его вез шофер Бориса.

Отступать он не собирался. Незнакомая сила независимо от него вела его по этой дороге. Ему вспомнился вчерашний разговор с Ирен, когда она спросила, когда он собирается навестить дедушку. Илья был очень категоричен:

– Не собираюсь.

А сейчас мчался к ним.

– Обманул? Да, получается так...

Когда он подъехал к воротам окутанного туманом парка, мысли его прояснились. Пульты от ворот у него, конечно, не было, и он остановился у ограды. Вокруг не было ни души, машин тоже не было видно. Из радиоприемника доносился тоскливый хит Брайана Адамса. Парк был окутан туманом, все еще моросило, но тяжесть с души как будто исчезла, и настроение уже было совершенно другим. Сейчас ему нужно было как можно больше энергии и позитива, чтобы передать старику.

Машинально он трижды мигнул фарами на ворота, трижды посигналил и удивился, когда ворота стали открываться. Камеры наблюдения вроде бы не было, никого поблизости тоже не было видно. Он глянул в зеркало заднего вида, но и там не увидел никого, кто бы мог открыть ворота пультом.

Илья тронул машину с места и медленно поехал вперед. Здесь он уже точно знал, по какой тропинке ехать, хотя не было ни одного дорожного указателя. Через три минуты он уже был возле ворот хорошо знакомого здания и еще раз посветил фарами, но уже не сигналил. Ворота сразу же открылись. Илья поставил машину на паркинг, оружие бросил в бардачок и закрыл на ключ. Быстрым шагом, чтобы не намочнуть, он пошел к центральному входу.

У дверей стоял улыбающийся Пьер. Они сердечно поздоровались.

– Как хорошо, что вы приехали, месье Илья! Дедушке очень плохо... – сказал Пьер.

Энергичными шагами Илья поднялся на второй этаж и открыл дверь в комнату старика.

Кроме незнакомого врача, в комнате был доктор Николь, они о чем-то тихо совещались. Старик лежал с закрытыми глазами, его безжизненное лицо было лилового цвета, так же как тогда, когда Илья впервые увидел его в клинике «Женолье».

Доктор Николь с улыбкой поздоровался с ним и расспросил о делах, затем представил коллегу. Илья спросил о состоянии здоровья старика. Николь сжал губы, покачал головой и поднял плечи – вероятно, в знак своего бессилия. Именно этот жест и был реальным ответом на вопрос.

Илья подошел к постели, тихо пододвинул стул и сел, взял руку старика и поместил ее между своими ладонями. Старик тяжело открыл глаза и посмотрел на Илью остекленевшим взглядом. Он чуть пошевелился, на лице у него проявилось волнение, глаза стали влажными. Бессловесная встреча длилась несколько секунд. На мгновение и Илье было трудно перебороть эмоции, однако он с улыбкой и бодро спросил:

– Дедушка, как вы? Вы меня не подведете?

Было видно желание старика улыбнуться и ответить, но он лишь прищурил и вновь открыл глаза.

– Раз ты вернулся – не подведу... – произнес он очень тяжело, с большей, чем обычно, хрипотцой в голосе.

– Извините, что опоздал. Больше я вас не оставлю, – неожиданно для себя сказал Илья.

Он почувствовал, что кто-то вошел в комнату. Не оборачиваясь, Илья провел рукой по лбу старика.

– Дедушка, вы должны знать, что я здесь только потому, чтобы вы жили долго и до конца смогли воспользоваться своим ресурсом.

– Если ты будешь со мной, дитя мое, я не буду стыдить тебя, – старик молча плакал. Слезы катились по увядшим щекам, к которым мало-помалу возвращался цвет.

Эта сцена походила на встречу любящих друг друга дедушки и внука. Грустная теплота могла разжалобить даже черствое сердце.

– Ну что, дедушка, будем бороться? – спросил Илья улыбаясь.

Старик от удовольствия вновь прищурил глаза.

– Будем бороться... Насколько смогу, буду.

К старику вместе с цветом возвращались и жизненные силы – улучшение становилось заметнее с каждой секундой.

К постели приблизился Борис, и Илья встал, чтобы поздороваться. Он готов был подать руку, но Борис вдруг обнял его.

– Спасибо, что вернулся, Илья. Спасибо за все. – Борис взял его за плечи и посмотрел в глаза, а когда заметил в глазах Ильи некоторую растерянность, добавил: – Без тебя нам было бы трудно.

– Рад видеть вас, месье Борис, – только и смог пробормотать Илья – больше ничего не шло в голову.

– Вот, дедушка, приехал твой волшебник. А ты говорил, что не доживешь до встречи с Иллей.

Довольный старик хрипло засмеялся.

– Да, не думал, что доживу до этого. А где Ирен? – традиционно спросил старик.

– Они вчера прилетели из Москвы, я встретил их. Сегодня она в университете, много пропустила, вот и приходится наверстывать пропущенные занятия, она должна догнать программу, иначе ей будет тяжело. Раз в неделю я буду приводить ее к вам.

– Было бы хорошо. А то мы очень соскучились, – включился в беседу Борис. – Как прошли похороны?

– Все прошло на высшем уровне. Было много народу. Проводили дедушку с почестями. Илья повернулся к старику.

– Оказалось, что вы самый крепкий среди Штернов. Наверно, и среди Джуга тоже.

– У них нет подобных тебе волшебников, – смеясь, ответил старик.

Все трое засмеялись, Илье послышался и чужой смех. Он только сейчас заметил, что рядом с докторами стоял маленький, щуплый старик с живыми глазами. Он его видел впервые.

– Иосиф, вот он, мой Илья, – сказал старик.

Слова «мой Илья» несколько резанули ухо, но прозвучали так естественно, что Илье стало приятно.

Иосиф приблизился к постели старика и протянул Илье свою костлявую руку.

– Будем знакомы, Илья.

Илья с улыбкой поздоровался и кивнул головой.

– Иосиф, я хочу, чтобы вы с Иллей подружились. Лучшего слушателя и более надежного человека ты не встретишь.

Борис и Иосиф засмеялись,

Илья же застенчиво улыбнулся.

– Илья! Иосиф – управляющий нашего книгохранилища, очень интересный для тебя человек и наш давнишний друг.

Врачи не понимали русскую речь, но их лица выражали и удовольствие, и удивление тем, как за несколько минут изменились и старик, и атмосфера вокруг. Эта заполненная старьем комната будто озарилась солнечным светом.

– Кажется, доктор здесь уже не нужен, раз появился месье Илья... – с улыбкой, без всякой ревности произнес доктор Николь.

– Нет, Илья только облегчит ваше дело – смеясь, сказал Борис.

– Это уже много значит. Никакое лекарство не действует на месье Алекса так, как месье Илья. Я уже второй месяц слежу за этим, и такого в моей практике не помню. Это просто феноменально!

Борис с улыбкой кивнул в ответ.

– Вы правы, месье Николь, это действительно феноменально. В своей практике я тоже не припомню подобного случая, – многозначительно сказал Борис.

Чтобы разговор перестал крутиться возле его персоны, Илья взял инициативу в свои руки:

– Как долго вы лежите, дедушка?

– Я и не помню, сынок... После того, как вы с Ирен уехали...

– Вот уже пятый день, – ответил Борис вместо старика.

– Вам пришлось работать? Были какие-то дела?

– Кто же мне теперь доверит дела, – хриплым голосом сказал старик.

– Вот это уже плохо. Весь мой труд пошел насмарку. Когда в последний раз вы делали ему укол? – вновь спросил он у Бориса.

– Приблизительно неделю назад. У нас остался еще один курс.

– Очень хорошо. Сегодня мы начинаем тренировки, да, дедушка?

Илья взглянул на старика. – А через два-три дня сделаем еще один укол.

– Как скажешь, Илья, – подтвердил Борис.

– Как себя чувствует госпожа Донари?

– Хорошо, спасибо, Илья. Донари ни на минуту не сомневалась, что ты приедешь. Она появится к обеду.

И действительно, появление Ильи создало совсем другую атмосферу, у всех появилась надежда, что он вновь продлит жизнь старику, хотя никто не знал, как долго тот протянет.

Илью удивило появление еще одного старика рядом с ними, которого он ранее не видел в этом здании, тем более в спальне старика.

«Он действительно ему очень близок, и к тому же русского происхождения, что указывает на глубокие корни их взаимоотношений», – подумал Илья.

Он не ошибся в своих предположениях. Многие десятки лет связывали этих двух стариков.

Иосиф Левитан был на семь-восемь лет моложе Александра Джуги, и Илья не видел его ранее лишь по той простой причине, что в сентябре, узнав о том, что Джуге стало плохо и его перевели в клинику, очень перенервничал и через два дня слег сам. У него одновременно поднялись давление и сахар, из-за чего одинокого Иосифа поместили в клинику в Лозанне. И лишь после того, как он узнал, что его друга перевели из клиники в бюро, стал выздоравливать, а потом и вовсе поправился и даже приступил к делам. Поэтому Иосиф и сказал Илье, что именно благодаря ему продлилась и его жизнь.

Они очень подружились. Иосиф оказался очень впечатляющей личностью, с интересной и трудной биографией, прекрасным знатоком древнейшей истории и ученым. Беседы с ним были очень интересными, можно даже сказать, несравненными. К тому же он был превосходным собеседником и рассказчиком.

Илья часто сидел в компании двух стариков и разговаривал с ними. Практически все дни проходили в беседах, и Илья невольно стал свидетелем их дружбы. Говорил то один, то дру-

гой. Когда один отдыхал, другой заполнял свободное время. Один день, проведенный с ними, был равен нескольким прочитанным книгам, настолько интересными были их многочисленные рассказы. Илья даже подумал, не попросить ли у них разрешения записать все это на диктофон, но передумал.

Приятно было смотреть на их добрые отношения – старики с большим уважением и почтением относились друг к другу, и надо было видеть, как они молодели, когда начинали спорить по какому-нибудь вопросу, не жалея друг для друга крылатых фраз. Несравненным был спор двух великих знатоков и мыслителей.

Их искренние, дружеские отношения были завидными. Илья уже не сомневался, что если с одним из них что-нибудь случится, то и другому будет тоже неладно. Поскольку этого явно было не миновать, Ильей овладело чувство двойной ответственности. Илья старался дать им стимул, подбодрить и всячески способствовать их беседам, которые являлись лучшей терапией.

Иосиф оказался человеком с необычной биографией.

Однажды после обеда, когда старик спал, Иосиф рассказал Илье свою историю и о том, как он познакомился с Джугой.

Иосиф Левитан тоже оказался внебрачным сыном, но долго не говорил об этом, а Илья не настаивал. Сначала Иосиф рассказал лишь, что родился в 1915 году в Санкт-Петербурге, крестили его в Исаакиевском соборе грузинский князь Иван Дмитриевич Ратишвили-Ратиев и его супруга Екатерина Багратиони, матерью которой была внучка великого поэта Александра Чавчавадзе, а отцом Ираклий Багратиони – правнук кахетинского царя Эрекле II.

У Ильи с самого начала появилось подозрение, что если незаконнорожденного ребенка крестила такая семья, то родители ребенка, должно быть, тоже являлись представителями высшего сословия. Но когда Илья узнал, кто именно был отцом Иосифа, это превзошло все ожидания.

Иосиф оказался внебрачным сыном Марии Левитан и великого князя Михаила Александровича Романова, младшего брата Николая II. Мать, Мария Левитан, была дочерью известного петербургского ювелира. В 1912–1914 гг. Михаил Александрович жил в Лондоне по принуждению, так как император Николай II запретил ему въезд в Россию, после того как брат тайно обвенчался с Натальей Шереметьевской в Вене, которая до того дважды была замужем и имела дочь Тату. В первом замужестве она была Мамонтовой, во втором – Вульффер. До того как обвенчаться, у Михаила и Натальи уже родился сын Георгий. Николай II запретил брату этот брак, но Михаил настоял на своем, так как очень любил эту женщину.

Морганатический брак Михаила вызвал большой скандал и в императорских семьях России и Европы, и среди аристократии. Император не только запретил ему возвращаться в Россию, но и установил опекунство над его имуществом. Вся императорская семья была недовольна этим браком, особенно не пришлась им по вкусу его жена, которая слыла женщиной плохой репутации, совершенно неподобающей для императорской семьи. Вся семья с первых же дней их брака думала, как развести Михаила с Натальей, которая так легко смогла влюбить в себя Михаила и покорить слабовольного мужа. За его непосредственность и чуткость – в отличие от брата – Михаила окружающие очень любили, как в аристократических кругах, так и среди офицерства. Но он действительно был слабовольным, что оказало серьезное влияние на будущее его и его семьи.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, Михаил послал брату письмо с просьбой разрешить ему вернуться в Россию и участвовать в войне, на что он получил согласие и даже был зачислен в действующую армию. По приказу императора он был назначен командиром Кавказской туземной конной дивизии («Дикая дивизия»).

Его жену, ребенка и падчерицу отправили на проживание в Гатчинский дворец, где хранились ценнейшие произведения искусства, забота о которых была поручена отделению искусства Зимнего дворца, а их безопасность – главному хранителю сокровищ Зимнего дворца.

Когда Михаил с семьей вернулся в Россию, окружение императора тут же привело в действие план расторжения его брака с помощью интриги. В Гатчине постоянно работала группа искусствоведов Зимнего дворца, которая осуществляла наблюдение за шедеврами искусства. В эту группу была включена 24-летняя молодая и красивая девушка, искусствовед Мария Левитан, дочь известного петербургского ювелира и коллекционера, еврея по национальности. Интриганы подобрали такую девушку, чтобы в случае осуществления их плана Михаил не смог на ней жениться из-за ее происхождения и вероисповедания. Потому свой выбор они остановили на еврейке, которая была и красивее, и порядочнее жены великого князя. Они знали, что он обязательно влюбится в нее, но даже в случае развода с Натальей он и подумать не смог бы о браке с еврейкой. Чтобы познакомить Михаила с Марией, они подстроили его приезд с фронта в Гатчину на несколько недель.

Михаилу Александровичу было 36 лет. Молодая и очень красивая девушка, к тому же образованная и с изысканными манерами, сразу же пришлась ему по душе, и вскоре он влюбился в нее. Их отношения должны были стать причиной его семейного скандала и последующего развода с Натальей. Мария ничего не знала об этой интриге и тоже полюбила Михаила, действительно благородного по внешности и очень теплого по душе и характеру мужчину, тем самым оказавшись игрушкой и обреченной жертвой в руках интриганов. Во время второго отпуска Михаила они еще больше сблизились, за чем последовал и интимный союз.

До этой встречи, в отличие от его жены, у Михаила не было романов, поэтому для него эта связь была действительно тайной и романтической. О ней знали всего несколько человек, в том числе и его брат, который с нетерпением ожидал кульминации интриги.

Мария забеременела и осенью 1915 года родила сына. Узнав об этом, жена Михаила Наталья, будучи умной и прагматичной женщиной, и ухом не повела, не поддавшись замыслу интриганов. Чтобы подействовать на Наталью психологически и вызвать у нее раздражение, на крестинах ребенка, умышленно устроенных с особой помпезностью, кроме императора и Михаила присутствовали все именитые Романовы и аристократия Петербурга.

По просьбе Михаила крестными ребенка стали главный хранитель сокровищ Эрмитажа Иван Дмитриевич Ратишвили (Ратиев) и его жена Екатерина Багратиони. Но и это не подействовало на Наталью Брасову, получившую титул в третьем браке и ни за что на свете не желавшую расстаться со своим положением. Несмотря на многочисленные попытки, развести Наталью и Михаила не удалось, а у Марии в результате интриги остался незаконнорожденный сын, о котором было известно только высшим кругам.

Так на свет появился Иосиф – еще один незаконнорожденный, который должен был пройти свой тяжелый и жестокий жизненный путь.

Но незаконнорожденные часто бывают более сильными, умными и добиваются большего, нежели законные дети, – история знает немало тому примеров.

Иосиф, конечно же, не помнил отца, так как 7 марта 1918 года, когда ему еще не было и трех лет, Михаил Романов, находившийся на поселении в Перми, был похищен большевиками и вместе со своим секретарем расстрелян в лесу, вблизи Мотовилихинского завода.

Крестный отец Иосифа, Иван Ратишвили (Ратиев), был известным искусствоведом, до революции – главным хранителем сокровищ в Зимнем дворце.

В историю же он вошел по той причине, что во время обеих революций проявил большую отвагу, преданность, проницательность и организаторские способности и спас сокровища Зимнего дворца.

Ленин и Луначарский его называли «товарищ князь». Даже во время Октябрьского переворота, когда Зимний дворец стал последней цитаделью Временного правительства, где оно

осело под прикрытием юнкерского корпуса и артиллерии, охрана сокровищ Зимнего дворца была поручена ему. Разгром Зимнего дворца, где хранились величайшие коллекции мирового значения, становился неизбежным. Со стороны Временного правительства это была большая авантюра. Но Иван Дмитриевич, приложив большие усилия, сумел спасти сокровища дворца. Иосиф с гордостью рассказывал, как Иван Дмитриевич, с целью обмануть искателей сокровищ, издал приказ, по которому особо ценные и важные экспонаты якобы вынесли из дворца и временно разместили по домам ответственных сотрудников. Знаменитую шапку Мономаха, царский посох Михаила Романова, украшенный бриллиантами в 185 карат, корону, украшенную большим бриллиантовым крестом, и другие сокровища Иван Дмитриевич должен был перенести к себе в дом.

Была разыграна и имитация выноса сокровищ, в действительности же сокровища были спрятаны Иваном Дмитриевичем в специальном тайнике хранилища под охраной своего сына Дмитрия и двух надежных гренадеров, без ведома которых подойти к тайнику не смог бы никто.

Двадцать пятого октября, в ночь кульминации переворота, когда должна была разыгаться драма взятия Зимнего дворца, дома Ивана Дмитриевича и его сотрудников были начисто разграблены. Похитители забрали все, что нашли, но главного, что они искали и для чего был организован этот грабеж, конечно же, не нашли.

Тем временем в Зимнем дворце без единого выстрела уладились отношения между противостоящими сторонами. Свердлову, который руководил революционным штабом большевиков, и Керенскому, председателю Временного правительства России, Иван Дмитриевич предъявил такие ультиматумы и сделал такие предложения, что оба были вынуждены согласиться с ним. Свердлов сам помог Керенскому бежать из Петрограда, а организовал этот побег Иван Дмитриевич.

О преданности и проницательности Ивана Дмитриевича Ратишвили (Ратиева) ходили легенды, достигшие и Европы. Об этом с гордостью рассказывал Иосиф Левитан, мать которого в то время работала в Зимнем дворце, и, как рассказывал он сам, эта история и личность его крестного отца во многом определили его будущую профессию и судьбу – подобно своему крестному отцу, он стал историком и искусствоведом. Окончив Ленинградский университет, он изучал языки, получил ученую степень. Потом подоспела и Вторая мировая война, и 26-летнего Иосифа отправили на фронт. Служил он в штабе дивизии Северо-Западного фронта.

Большим поклонником советского режима он никогда не был, наоборот, среди жертв сталинских репрессий были и его близкие, поэтому он подумывал бежать от этого режима и уехать в эмиграцию, но до войны такой возможности у него не было. Через два года его, как образованного и знающего языки офицера, перевели из штаба дивизии в разведку. Летом 1944 года со специальным поручением Иосиф был командирован в Америку, где он должен был устроить «побег» одного моряка – в действительности же офицера разведки – с военного корабля с целью его последующего пребывания нелегалом в США. В порту Тампы, где по договору о ленд-лизе строили корабли для Советского Союза, он сумел выполнить поручение и даже устроить беглеца, но и сам не вернулся на корабль. Он был объявлен в розыск, которым руководил лично начальник внешней разведки Союза Павел Фитин. Спустя несколько месяцев, на основании требования Советского консульства, американцы с помощью офицера связи Роберта Эрдмана арестовали Иосифа и под конвоем привезли в Новый Орлеан, где и передали его капитану советского корабля.

Война только закончилась, когда корабль вошел в Потийский порт.

В сентябре Иосифа привезли в Тбилиси, где сначала поместили в изолятор МГБ, а затем, когда его приговорили к смертной казни как предателя Родины, его перевели в «спецкамеры» «Губернской» тюрьмы. «Спец» – так называли подвальные камеры с самыми невыносимыми условиями, где содержались приговоренные к смерти.

В ожидании казни и так худой Иосиф стал, что называется, «кожа да кости». Три месяца он провел в невыносимых условиях «спецов», где проявил беспримерную силу воли. В кишачих огромными крысами камерах было сыро, по щиколотку стояла вода, в день выдавалось сто граммов хлеба с баландой, больше предназначенной для свиней, и половина пачки папирос. Однако он говорил Илье, что уже привык к ожиданию смерти, и эти условия были ему нипочем.

– Каждый день я ждал, что меня позовут. Когда открывали дверь соседней камеры, как правило ночью, я знал, что ведут на расстрел. Подсознательно у меня начинало учащенно биться сердце и непроизвольно начинали дрожать мышцы. Особенно тогда, когда кто-нибудь из осужденных не хотел выходить из камеры и начинал кричать. Позже я привык к этому и уже не реагировал. К тому же мной овладело чувство, что Бог меня не оставит – все же я крещен таким человеком... Тогда Иван Дмитриевич уже жил в Тбилиси, и свои молитвы я адресовал ему.

В таком же положении были и другие, которые смирились со своей участью и на пороге смерти зло перешучивались.

– «Шашулькин идет по твою душу!» – выкрикивали они друг другу имя палача.

– 15 декабря 1945 года открылась моя дверь, и меня вывели, – тяжело рассказывал Иосиф. – Я не испугался, не могу объяснить, что я чувствовал. Про себя молился и просил Бога, чтобы скорее кончился этот ад. Через туннель мы вышли сначала на задний двор тюрьмы, а затем через заднюю калитку меня повели в сторону леса. Со мной шли семеро человек: начальник тюрьмы, прокурор, врач, палач Шашулькин и три конвоира.

Когда мы вошли в глубь леса, нас встретил еще один человек, который держал лопату и при свете висящей на дереве лампы рыл землю. Яма была готова уже примерно до колен. Мне развязали руки, и начальник тюрьмы сказал:

«Спускайся, остальное рой сам!»

Это трудно представить, но я обрадовался – перед смертью у меня появилась возможность хоть что-то сделать. К тому же и мысли можно будет привести в порядок. Лучше человеку умереть уставшим от дела, Бог его скорее примет. Сначала меня не торопили, однако потом, когда я устал, а устал я очень скоро – откуда мне было взять силы, от меня остался только скелет, – начали торопить: «Быстрее, у нас нет времени. В твоих интересах, чтобы могила была глубокой, чтобы собаки не нашли и не вырыли. А то зачтем тебе это за побег и казним второй раз...» – смеялись они надо мной. Хоть я и устал, но втянулся в шутку и стал копать веселей. В это время к нам подошли два человека. Один из них сказал:

«Хватит, прочитайте ему приговор, у нас и другие есть».

Я остановился и бросил к их ногам лопату. Мне прочли приговор и велели повернуться. Я повернулся и закрыл глаза.

Я совсем не нервничал. Только лицо матери предстало перед глазами, и я ясно увидел, что она улыбалась и что-то мне говорила, только я не понимал что. В ушах у меня звучали последние слова приговора.

Какое-то время я стоял как оглохший. Я устал ждать и ничего не чувствовал.

Потом я услышал голос, приказывающий мне повернуться. Сначала я не понял, что это говорят мне, и ему пришлось повторить. Я открыл глаза и, когда в третий раз услышал те же слова, повернулся.

Передо мной стояли только конвоиры и те два человека. Один сделал знак рукой, мол, поднимайся. Я попробовал, но ноги меня не слушались. В глазах у меня был туман, я не видел лиц. Два конвоира взяли меня за руки и как перышко подбросили вверх. Один из двух сказал мне:

«Ты уже расстрелян, так что можешь думать о новой потусторонней жизни. Ты ведь крещеный?»

После слов «думай о новой жизни» у меня возникло чувство, что я спасен.

Меня вывели из леса, на заднем дворе тюрьмы посадили в «воронок» и отвезли в изолятор МГБ.

В эту ночь я спал как убитый.

Во второй половине дня меня разбудили, дали новую одежду и уже через час посадили в отдельный бокс этапного «столыпинского» вагона. На четвертый день мы были уже в Москве. Меня отвезли на Лубянку, в подземную тюрьму МГБ. Там я оставался два дня, и на третий меня отвезли в Подмосковье.

Лежал легкий белый снег, я до сих пор помню скрип снега под ногами по дороге в большой деревянный дом. Меня встретили два человека в штатском. Горел камин, было очень тепло. Конвоир снял с меня наручники и вышел. Мне предложили сесть.

«Знаешь, для чего ты здесь?»

Я, несколько придя в себя, попробовал пошутить:

«Наверное, вы хотели лично увидеть мою казнь, поэтому и перевели меня сюда».

Видно, после «спецов» и камер подействовала атмосфера камина, однако один светловолосый – видимо, начальник – сказал мне:

«Правильно, молодец, что угадал! Только есть и другой вариант – если все, что ты сделал и перенес, ты переоценишь правильно, у тебя есть шанс искупить свою вину».

Они долго со мной разговаривали, потом мы вместе пообедали, после чего мне дали комнату и велели отдыхать.

– Я тебя утомил такими подробностями, но я хочу, чтобы ты понял мои переживания, так как они предопределили мое будущее, – сказал старик.

Илья только кивнул в знак согласия – он не хотел, чтобы Иосиф прерывал свои воспоминания.

– На другой день пришел Александр Джуга, только тогда он не сказал мне свою фамилию. Он мне сразу понравился. Он сказал:

«Я наблюдал за тобой еще с того периода, когда ты учился в аспирантуре».

Потом он сказал мне такое, что я был поражен – мне казалось, что об этом никто не знает.

– Можно узнать, что он вам сказал? – впервые прервал его Илья.

– Он сказал мне, кто на самом деле был моим отцом. Оказалось, что еще до войны Джуга пытался со мной встретиться, но что-то ему помешало. Потом началась война, и ему стало не до меня. «А сейчас я случайно узнал твою историю за несколько дней до казни, и вот мы встретились», – сказал он.

Иосиф ненадолго остановился, вздохнул и посмотрел на Илью:

– Илья, я должен признаться, что меня околдовала его речь. Я и так уже был готов на все – если бы он сказал мне, чтобы я покончил с собой, я не моргнув глазом сделал бы это – настолько сильное впечатление он произвел на меня. Он сказал:

«Знаю, что ты хороший историк, любишь свое дело, знаешь языки и хорошо мыслишь. Было бы жаль, если бы такая голова гнила в земле. Ты мне нужен».

Я сразу же сказал, что сделаю все, раз я нужен, и добавил:

«Мои знания и жизнь, если понадобится, можете использовать, я на все готов».

Человеку, не пережившему того, через что я прошел за те несколько месяцев, не понять, что я чувствовал тогда.

– Что он вам предложил?

– Он предложил мне пройти специальные курсы и поступить на его тайную службу.

– Как же он поверил вам после побега?

– Не знаю, поверил. Потом, если хочешь, сам его спроси. Так вот, после всего этого не прошло и года, как он послал меня со специальным заданием – сначала в Лондон, где я проработал год, затем оказался в Нью-Йорке, потом в Вашингтоне, Сан-Франциско – и так далее.

Для меня Джуга стал всем – отцом, братом, хозяином, если хочешь – Богом. Скажу тебе, что я в жизни не встречал человека с такой энергией и интеллектом.

Когда он сам перешел сюда, мы стали видеться чаще. Позже, когда он сам постарел, он окончательно перевел меня в Европу. В 1975 году он привез меня сюда и поручил мне мое любимое дело.

– Семейку вы не создали?

– Кому из нас было до этого? У меня была любимая женщина, но у разведчиков нет времени на жен, вот и остался на старости лет в одиночестве. Кроме Джуги и Бориса, у меня никого нет. Да еще вот, внизу – книги и этот несчастный Зетан, которого ты видел, – с невестой улыбкой сказал Иосиф.

– Да, я видел, – с грустью подтвердил Илья. – Но все-таки какое у вас было задание? Разумеется, если это не секрет.

– Вообще-то секрет, однако кое-что я тебе все-таки скажу. Когда я приехал в Лондон, у меня была хорошая легенда. Я взял фамилию Ратиев – фамилию моего крестного, того, что был на службе у царя. Эта фамилия еще до революции была хорошо известна в Европе среди искусствоведов – академию Ратиев закончил в Париже. Все знали о его преданности искусству, поэтому я представился его незаконнорожденным сыном, да простит меня его душа. Ведь моя мать до революции тоже работала в Зимнем дворце, поэтому эта легенда была близка к реальности.

В основном я контактировал с искусствоведами и антикварами. Там, на месте, мне помогали люди Джуги. С их помощью я был посвящен в несколько тайных орденов. Ордена и их история интересовали меня со студенческих лет. Я читал все, что попадалось в руки по этой теме. Одно время я даже подумывал о диссертации, но мне посоветовали и не мечтать об этом, чтобы не остаться без работы. Ты же знаешь, какое это было время. Ну, я и оставил эту идею. Однако мои знания пригодились мне в Лондоне.

Когда я приехал в Нью-Йорк, я открыл свой антикварный магазин, и вот там я полностью развернулся. Магазин-то открыл я сам, но деньги и задание дал мне Джуга. Да, о том, что его фамилия Джуга, я узнал только через 25 лет, когда он перевел меня в Европу.

– А под какой фамилией вы его знали?

– Ох, не пересчитать, сколько их у него было! Он был и Смирновым, и Ивановым; когда перешел сюда, он был Ходжи или Ходжа, и Лебе был, и Штерном, и вот наконец остановился на Агуж. Видно, он и сам устал от стольких имен и фамилий, – захихикал Иосиф.

– Ну а в Лондоне мне дали хорошие рекомендации для Нью-Йорка. Я стал вхож в хорошие семьи, вошел в определенные круги. И денег у меня появилось много. Все евреи Нью-Йорка ходили ко мне, а евреев там много. Ну и носили ко мне все, что только могло вызвать интерес, все, что касалось древней истории, – всевозможные предметы, книги, свитки, пластины, изделия или рисунки – я все собирал потихоньку. Из того, что ты видел внизу, в хранилище, многое я приобрел из частных коллекций, кое-что из хранилищ тайных орденов. Большую часть я менял на какие-то побрякушки, кое-что покупал. Короче говоря, все знали, что ко мне можно нести все, что касается древнейшей истории.

Я вступил в местные ордены, получил почетное звание члена тайной ложи, занял позиции. Этим я еще больше расширил дело и контакты и открыл антикварные магазины в Вашингтоне и других городах. Это был большой бизнес. Что нужно политикам и бизнесменам?

Хихикая, он с прищуром посмотрел на Илью и сам же ответил:

– Им нужны блестящие, хорошо упакованные и украшенные никчемные вещи, предназначение и цену которых они часто и не знают. Таких вещей у меня было навалом, вот я и приобрел потихоньку вес и вошел в более серьезные круги. Я стал нужным и влиятельным человеком.

– И там вы были Ратиевым? – спросил Илья.

– Нет, – опять захихикал Иосиф. – Там я вернул себе свою фамилию. Фамилия Левитан в еврейской среде лучше работала.

– А как вы контактировали с Джугой?

– Каждый месяц под видом постоянного клиента приходил связник. Позже появились и другие. Общаться с Джугой нам никогда не было трудно – у него была большая сеть. Она не была похожа на «шарашкины конторы» некоторых. Люди такого высокого ранга приходили ко мне с паролем, что я только рот разевал.

– Значит, главным заданием было внедриться в тайные ордены и занять там положение? Параллельно же приобретать древнейшие исторические материалы и ценности, бизнес и хобби вместе, так?

– Почти так. Было еще кое-что, но для тебя это не будет интересно. Это уже детали, – заговорщически засмеялся Иосиф.

Илья кивнул и в свою очередь посмотрел на старика с прищуром:

– Вероятно, вы имели дело с краденными вещами?

– Нет, я работал чисто, – твердо ответил Иосиф. – Там, стоит один лишь раз подмочить репутацию, тебе навсегда сядут на хвост и не дадут свободно работать. Считается, что этот бизнес без этого не бывает, но я работал чисто. К тому же это не в моем характере, да и не подходило ни моему делу, ни моему происхождению!

Он произнес это с такой гордостью и пафосом, что Илья посмотрел на него с подозрением.

– Не удивляйся, у человека, который возьмется за такое, должны быть или серьезные материальные проблемы, или предрасположенность. Однако, признаюсь, были моменты, когда мне приходилось идти на определенный риск, но дело того требовало, и риск был оправдан.

– Чей же это был бизнес? – с испытующей улыбкой спросил Илья.

– Конечно же, Джуги. И у меня было оттуда кое-что, но деньги для меня были лишь средством к существованию, они никогда не ослепляли меня.

– Для кого вы работали, для страны или для Джуги?

– Для меня это было одним и тем же.

– А если бы с Джугой что-нибудь произошло, тогда?

– Тогда я ни для кого не стал бы работать, исчез бы – и все.

– Когда вы познакомились с Борисом? Когда приехали сюда?

– Нет, Борис изредка приезжал ко мне. Мы улаживали вместе кое-какие дела. Он был очень крепким парнем. Вообще, у Джуги все были очень сильные. Впрочем, и сейчас у него такие же.

– Иосиф Михайлович, а мафия вас не беспокоила?

Иосиф от души расхохотался.

– Это мы их беспокоили, – он удовлетворенно посмотрел в удивленные глаза Ильи.

– Не удивляйся, я и мои люди были для них неприкосновенными. Несколько семей, среди них и еврейские, и итальянские, в Нью-Йорке и других городах были нашими партнерами. Ты слышал про Джонни Торио? Наверняка нет!

– Как не слышал? Это бывший хозяин Аль Капоне, – сказал Илья.

– Кто такой Аль Капоне?

– Как – кто? Самый известный мафиози!

– Ну, дело как раз в этом и есть. Блестящий предмет, для отвода глаз. Амбициозный, необузданный нарцисс. Он многое испортил своим бахвальством, хотя потом, по приказу Джонни, сам сдался полиции.

– Значит, Джонни Торио до конца был его патроном?

– Разумеется. Он был патроном очень многих. Джонни был мозгом мафии. Такого мафиози в Америке не бывало ни до, ни после. Синдикат мафии был придуман и создан им. Он

никогда не был виден – мелькать и горланить в обществе было не в его характере. Хотя в молодости и он допустил множество ошибок.

– Каких?

– В молодости он был сутенером, с этого он начинал. Тогда его и завербовала разведка. Наверное, ты знаешь, что он тогда и нанял Аль Капоне и вверил ему несколько проституток для присмотра.

– Да, про Капоне я это читал. Но какие дела у вас были с Торио?

– У тебя тоже хорошо получается хватать за горло... Скажу: он был моим человеком, я его курировал, мы даже дружили. Он провалился всего один раз. Тогда ему помогли мои люди. Он многое сбалансировал между семьями. У него было большое влияние.

– И все же он работал на вас?

– Это было полезно и для него.

– Он имел какое-либо отношение к президентству Кеннеди?

– Совсем незначительное, там другие семьи сыграли большую роль.

– А убийство? Что послужило причиной убийства?

– Илья, не загоняй меня в угол...

– Это никому не принесет вреда, – с улыбкой сказал Илья.

– Я знаю... Однако... – Он неуютно поежился в кресле.

– Нет, если вам трудно об этом говорить, не говорите.

– Ладно, все равно это в прошлом. Скажу кратко. Его погубил собственный брат, Роберт, его амбициозность и популизм.

– Вы говорите про генерального прокурора?

– Именно. Оба нарушили правила игры. Сначала они нарушили все договоренности, всех кинули, и Комитет, и семьи, потом начали их притеснять и ловить.

– Почему он коснулся комитета?

– Хотел оставить его вне игры. Хотел независимости. Я узнал о деталях позже. Он хотел отнять у Федеральной резервной системы право на эмиссию денег и 4 июня 1963 года издал президентский указ №11110, который отнимал власть у Федеральной резервной системы и передавал право на эмиссию правительству. Этим он нарушил десятилетиями налаженную систему и отнял опору у Федерального банка, а соответственно и у Комитета. Вернее, попытался. Он почти ничего не успел – его убили через несколько месяцев после этого... – Иосиф ненадолго остановился и внимательно посмотрел на Илью:

– Знаешь, Илья, я, возможно, не доживу до этого, но любой президент, который попытается задействовать этот указ и нарушит существующую систему, будет убит. Если кто-нибудь попытается уничтожить Федеральную резервную систему и списать триллионные долги правительства, его постигнет та же участь.

– Выходит, что правительство США является постоянным заложником ФРС?

– Да, это так и будет, пока будут существовать США.

– И все же – кто убил Кеннеди?

– Я же сказал. Все. Всех устраивала смерть его и его брата. Какое имеет значение, кто спустил курок. Исполнителей этого было много, много было и тех, кто принимал участие в спектакле.

– Получается, что правительство США будет постоянно должно ФРС?

– Да, так же как и весь остальной мир. Сегодняшняя Америка основана на этом долге. Не будет долга – США перестанут существовать, распадутся. В конечном итоге и их ждет судьба Советского Союза.

– Вы так думаете?

– Да, и я так думаю. Спроси об этом у Джуги, лучше него никто тебе об этом не скажет.

– И все же – когда это может произойти?

– Это зависит от многого. Если США не смогут контролировать Азию, процесс ускорится. Возможно, на это уйдет 30 лет, возможно – чуть меньше. Это зависит и от того, какой будет Россия, каково будет ее правительство.

– Если США распадутся, тогда в мире возникнут другие геополитические условия, однако западное пространство не сможет существовать без сильного политического центра.

– Разумеется, – подтвердил Иосиф. – Политика, как и природа, не любит пустоты, поэтому место США займет другой политический центр.

– Кто это будет, по вашему мнению?

– И так ясно, и ты об этом прекрасно знаешь: это может быть только дремлющая империя – Великобритания. У нее самый большой потенциал и опыт для этого. Другие европейские государства не сумеют сбалансировать восточные центры и доминировать над ними. Государства, возникшие на теле США, тоже не смогут справиться с этой ролью. Какие бы ресурсы у них ни были, им понадобится время...

В принципе, распад США создаст миру много проблем. Это будет не очень хорошо для очень многих стран. Однако то, что эта страна сейчас делает, в принципе вряд ли может нравиться.

– Иосиф Михайлович, вы очень осторожны на поворотах, – с улыбкой сказал Илья.

– И тебе советую... – снова захихикал старик.

Рассказ Иосифа произвел на Илью очень сильное впечатление и вызвал в нем большую симпатию.

У Иосифа было породистое лицо аристократа, с правильными чертами лица, но уже увядшее. Высокий лоб, брови вразлет, голубые подвижные глаза, чуть поредевшие на темени волосы, бодрая походка, которая не выдавала возраста. Было ясно, что в молодости он блистал и волновал сердца многих женщин. Взгляд всегда передавал его настроение – несмотря на прожитые годы, на лице его не было маски. Всю жизнь он, вероятно, завораживал своих собеседников разговором и интеллектом. Его возраст можно было определить только тогда, когда он молчал.

То, что было в нем постоянным, – это было почтение к Великому Магистру, возможно, это было отношением к старшему другу, который вытащил его из могилы и дал новую жизнь. Однако это не было почтением зависящего от Джуги человека, это было скорее глубоким уважением, переходящим в любовь. Иногда возникало впечатление, что если бы Джуга приказал ему покончить с собой, Иосиф сделал бы это не задумываясь, как тогда, в 1945 году. Однако это не мешало им быть на равных, а иногда даже спорить друг с другом, что вызывало еще большее уважение к обоим старикам. По характеру они были абсолютно разными. Джуга отличался рациональным, харизматичным и уравновешенным поведением и речью, у Иосифа же была абсолютно свободная манера речи, движения, поведения – они как будто дополняли друг друга. Было ясно, что если бы их характеры были похожи, им было бы трудно дружить.

Илья вместе с Иосифом часто спускались в книгохранилище. Он познакомился с группой ученых, которым Иосиф представил его как знакомого месье Агужа и Бориса.

Иосиф говорил, что частной коллекции такого уровня и масштаба в мире не существует.

– Скажу со всей ответственностью, что у этого книгохранилища нет цены, потому что его невозможно оценить, – говорил Иосиф, – я только потому хотел бы продления своей жизни, чтобы подольше побыть здесь. Для меня нет счастья больше этого.

По утрам все трое гуляли в парке, обедали вместе. Периодически к ним присоединялся Борис. После обеда, когда старика оставляли для сна, Илья говорил:

– Иосиф Михайлович, вас ждут.

– Кто?

– Книги!

Иосиф удовлетворенно усмехался и соглашался:

– Действительно, ждут. Пойдем.

Они много бродили между рядами книг. Илья часто останавливался возле полок, на которых хранились исторические образцы по истории грузин и других народов.

Почти всегда они рассматривали историю шумеров, после разговора о них как-то переходили к обзору истории других народов. Когда они подошли к полке, на которой находилось множество трудов периода раннего христианства, Иосиф неожиданно спросил:

– Илья, когда христианство распространилось в Грузии? Знаю, что знаешь, только все равно скажи.

– Вызываете, Иосиф Михайлович? – засмеялся Илья, Иосиф же захихикал со свойственной ему легкостью. Этот человек был действительно счастлив в своем хранилище.

– Общепринятая дата – 334 год, когда святая Нина окрестила грузин. Новой датой считают 319 год. А до того в Грузии проповедовал апостол Андрей.

– Это так, – подтвердил Иосиф, – однако и до того в Грузии были Назаретские ессеи из братства Христа. Когда Иаков стал первосвященником – главой Иерусалимской церкви, он послал членов братства к Гоне. Тогда христианства как религии еще не существовало, последователи Христа считались сектой, а Христос еще не был признан сыном Бога Отца, понятие Святого Духа еще не было внесено в христианские проповеди, это произошло позже. Иисус признан был только мессией и учителем. Поэтому назаретяне сначала создали секту последователей Христа. Они поставили первый крест в Мцхете еще тогда, когда крест еще не был христианским символом.

– Значит, формально христианская религия приняла символику креста сначала в Грузии и лишь затем в Иерусалиме? – с удивлением спросил Илья.

– Именно так! – улыбнулся Иосиф, довольный реакцией Ильи.

– Если у назаретян, последователей Христа, крест еще не был принят как символ, почему его связали с сектой и тем более в Грузии? Какой интерес у них был к Грузии? Разве мало у них было близких соседей для распространения своего учения? – засыпал его вопросами Илья.

– У Назаретского братства, на их родине, у побережья Красного моря, символом была рыба, однако они не могли присовокупить свой символ к учению Христа, тем более в другой стране, это был скорее их племенной, если хочешь, символ братства, поэтому они заимствовали изображение креста у коптов и индусов. После распятия Христа этот символ стал более соответствующим христианству. А их интерес к Грузии состоял в том, что назаретяне были ветвью мосхов – потомков шумеров, с общностью языка и традиций. Это произошло примерно в 2000–1800 годах до нашей эры. Мосхи были древнейшим колхским племенем, которое вместе с лазами, теми же мегрелами и другими протокарталинскими племенами создали грузинскую нацию. Поэтому они испокон веков считали грузин своими. Назаретяне действительно отличались от всех народов на Ближнем Востоке языком, традициями, внешностью и укладом жизни. Внешне они больше походили на колхов, чем на арамейцев.

– Почему вы не передаете эту историю гласности?

– Тайные ордены не вмешиваются в традиционную мировую историю. Мы идем своим путем, не хотим нарушать информационный баланс, который был установлен еще в Средние века, об этом даже заключено соглашение с Римской церковью. Мы придерживаемся этого договора. Вообще-то, хранение тайных знаний и исторических фактов – наша традиция и жизненный интерес. Стилль летописи тайных орденов и братств – это передача истории зашифрованным языком, так что если наши записи попадут в руки профана, он не сможет ничего понять до конца. Эта традиция идет из братства Гоны, они всегда передавали тайные сведения своим побратимам в зашифрованной форме. Эта традиция укоренялась тысячелетиями. Поэтому большинство тайных и превращенных в легенду текстов до сих пор остается неизвестным для профанов. Ключ, или код, для их раскрытия часто уничтожался или терялся. Кстати,

ни один из тайных документов, которые попали в руки греков и римлян, не был расшифрован до конца, – с улыбкой сказал Иосиф.

– Те правители и исследователи, которые приложили усилия и нашли ключ, чтобы прочесть зашифрованные тексты, достигли больших успехов в начале новой эпохи и в Средние века. Многие зашифрованные тексты Мандейского ордена, касающиеся новых континентов и островов, которые были у него из братства Гоны, оказались причиной многих путешествий и экспансий, в том числе и тех, сведения о которых до нас не дошли. Истории известно о походе Александра Македонского в Индию, однако не ясно, были ли другие и что послужило поводом и причиной этих походов. То же можно сказать и об открытии и завоевании Америки. Однако сейчас общеизвестно, что еще до Колумба она была обнаружена и освоена.

Мандейским орденом была описана роль древних колх-ских племен в создании цивилизации в Центральной Америке. Это дало возможность средневековым исследователям и миссионерам представить информацию об их роли в развитии цивилизации майя, ацтеков, Мачу-Пикчу как свое открытие. К сожалению, в исследованиях не указывается первоисточник. Приведу тебе в пример рукопись испанского миссионера Диего де Ланда «История племени майя». Хотя многие из его коллег не сделали и этого, а, наоборот, уничтожили первоисточники и постарались вообще стереть шумеро-колх-ский след.

На основании расшифрованных старинных текстов Мандейского ордена однозначно прослеживается колхо-иберийское происхождение народов центра и юга Европы: те же баски в Пиренейских горах, прототирыльцы в Альпах, народы Германии, Австрии, Франции и Северной Италии. Происхождение народов Корсики, Сардинии, островов Британии колхо-иберийское и кавказское. То, что я говорю, давно подтверждено митохондриально-генетическими анализами. Все это подтверждается и топонимикой, грузинскими названиями местностей, гор, рек. Однако должен тебе сказать, как ни странно, никто об этом открыто не говорит, как будто сговорились. Историческая литература недосыгаема, я не говорю уже о литературе художественной, в которой ничего путного не создано в этом направлении. Мне кажется, что этого пока и ждать не приходится.

– Вы думаете, что все, что вы сейчас рассказали, было записано братством Гоны и зашифровано братствами-побратимами? – попытался уточнить Илья.

– У меня есть все основания, чтобы утверждать это, – он протянул руку в направлении полка. – Не только записано, но и организовано ими.

– Что вы подразумеваете под организацией?

– То, мой дорогой, что эта миграция колхов и кавказцев в Европу не была хаотичной и носила однозначно организованный и направленный характер. Организаторами и идеологами этого могли быть только Гона и его жрецы. У этой миграции были и свои прагматические причины. В том числе и климатические катаклизмы, которые разразились на Кавказе и в передней Азии в V–IV тысячелетиях до нашей эры.

Посмотри внимательно, Илья, и вся картина ясно предстанет перед тобой. В дравидской и протоиндийской цивилизациях ясно прослеживается шумерский след. С другой стороны, подтверждается их союз с критской цивилизацией, и в то же время древнекулхскую, или колхскую, цивилизацию считают той же критской, шумеро-аккадскую – той же колх-ской, родственной хеттским, лазским и другим протоколх-ско-иберийским племенам. Это замкнутый круг, и историки не должны закрывать на это глаза и ограничиваться соображениями конъюнктуры. Это все плоды одной цивилизации, которую принято называть цивилизацией шумеров. А они, можешь мне поверить, были их адептами, – и Иосиф показал рукой вверх.

Илья кивнул с улыбкой.

– Интересно... – задумчиво сказал он. – Пообещайте, что мы еще поговорим на эту тему.

Иосиф кивнул в знак согласия.

– Иосиф Михайлович, вернемся к назаретянам. По вашему мнению, почему случилось так, что назаретяне поставили крест в Мцхете, когда в Иберии был очень сильный культ идола Армази? Неужели это не противоречило их учению?

– Дело в том, что ессеи считали культ Армази трансформированным Гоной центром учения Гермеса, известного своей величием и мистериями, так же как и братство ессеев. Поэтому их учение не противоречило армазскому как ответвлению культа Гермеса, выглядевшего более прогрессивным и современным по сравнению с другими культурами на Ближнем Востоке, в Европе и Азии.

– Почему произошел раскол в Назаретском братстве, из-за Христа?

– Да, из-за Христа, только это произошло до распятия, когда от мятежной группы радикалов под предводительством Иисуса отделилась группа пацифистов во главе с Иоанном Крестителем. Иоанн был против подготовки и проведения восстания религиозным братством. Поэтому он отделился от братства ессеев и на основе того же учения, традиций и законов создал Мандейский орден. Так были созданы две идентичные группировки, и должен тебе сказать, что Мандейский орден сыграл очень важную роль в истории человечества. Их братство позже оформилось в тайный орден и, в отличие от остальных назаретян, не смешалось с еврейским народом. Наоборот, когда между сторонниками Христа произошел раскол в связи с божественным происхождением Христа, мандеи смогли примирить противоположные стороны и объединить их в один орден.

Иосиф присел на поставленные в ряд ящики, в которых хранились свитки.

– Отдохни и ты, Илья, я уже устал.

Илья сел перед ним и спросил:

– Иосиф Михайлович, вы потомок левитов? – Он прищурил глаза и, улыбаясь, пристально посмотрел на Иосифа.

– Ох, Илья, какие ты мне каверзные вопросы задаешь... Знаю, куда ты метишь, и твой следующий вопрос тоже знаю.

– И все-таки...

– Я – нет, а моя мать считалась таковой, потому что до матери семь поколений были на материнской фамилии, то есть были левитами, однако последние три поколения были христианами, и я в том числе.

– Значит, получается, что вы самый близкий родственник Христа!

Иосиф усмехнулся и ничего не ответил – он как будто почувствовал подвох.

– Из какого колена был Иисус, левитов или царя Давида? – продолжил Илья.

– Я так и знал, ты тащишь меня в ловушку.

– Да ладно, Иосиф Михайлович, если вы не хотите, насильно я вас в капкан втянуть не смогу.

– Хорошо, скажу. Именно этот вопрос спровоцировал разрыв среди последователей Христа. Мать Иешуа Мария была из колена левитов.

– Почему так категорично? Вы же сказали, что назаретяне были мосхами?

– Да, это так, однако Мария, по существующей информации, по отцу происходит из колена левитов, что не исключает того, что в ней была и кровь мосхов. А официальный отец Иешуа должен был быть из колена Иуды, дома Давида. Я знаю и твой следующий вопрос: тогда почему Иисус, он же Иешуа, объявил, что он царь Иудеи, а не царь Земли обетованной? Объясню. И в арамейском, и в еврейском языках у слова «отец» было два значения: отец-родитель и отец – отец небесный, т.е. Бог. Когда говорили: он сын своего отца, подразумевали сын Бога. То же значение было у слова царь: царь и Бог.

– Да, возможно, дело именно в этом, – сказал Илья. – Титул царя Иудеи ему приписали заинтересованные лица, утверждая, что Иисус якобы считал себя только царем Иудеи. Так же как и в следующие века многое приписали, исходя из собственных соображений и интересов,

а упоминания о нежелательных лицах и событиях просто вымарали из текста. Например, разве не из Римской церкви появилась Библия Дуэ? Если бы не это их «творчество», христианство не было бы таким расчлененным.

– Правильно, Илья. Я, по-моему, и следующий вопрос угадал. Вижу, ты уже изучал этот вопрос и многое знаешь. Вообще то, что прячут или запрещают, со временем прорывается с огромной силой. Поэтому я тоже считаю, что Римская церковь ошиблась, и даже больше – совершила преступление, когда многие тексты переписала в соответствии со своими взглядами, а большинство уничтожила.

– Тогда скажите мне, кем был Варавва, тот же Бараба?

– Я так и знал, ты все равно дошел до этого! Хорошо, скажу: Варавва не был вором и грабителем, как его позже окрестили римские отцы. Он и не мог быть преступником, поскольку был из братства назаретян. В то время по-арамейски Варавва значило «сын Божий». «Бар» значило сын «аба» – отец и в то же время – Бог. Варавва означало «сын своего отца», или сын Бога. Однако Варавва был скорее титул, чем имя. Его имя было Иешуа Варавва.

– Значит, Пилат арестовал двух Иешуа: Иешуа Бен Иосифа и Иешуа Варавву. Так?

– Да, так.

– И по требованию народа Пилат освободил Иешуа Варавву, то есть Иешуа сына Божия и распял на кресте Иешуа Бен Иосифа, т.е. «царя» иудеев?

– Оба были из братства ессеев, однако Варавва не был мессией. Для Пилата Варавва не был ни претендентом на иудейский престол, ни левитом. Поэтому он не представлял опасности. А Иешуа Бен Иосиф при его происхождении непосредственно угрожал власти Рима.

– В чем реально обвиняли Иешуа Варавву?

– В подготовке восстания. Варавва был фанатиком-повстанцем, но не разбойником. Хотя для римских правителей повстанец был разбойником. Такое же обвинение было предъявлено и Иисусу Христу. Кстати, первое имя Вараввы – Иешуа, или Иисус, – исчезло из Евангелия от Матфея довольно поздно. В старых текстах он упоминается именно как Иешуа или Иисус Варавва. У нас и здесь есть такие тексты, – он указал рукой на полку, – апостолам и последователям Христа существование Вараввы в том виде, в каком он был, никоим образом не мешало и не создавало дискомфорта, однако, видимо, отцам Римской церкви нужно было так преподнести факты, чтобы показать христианство религией не еврейского, а скорее западного, римского происхождения. Кстати, существовали попытки представить Иисуса только как назарея с мосхским происхождением и уничтожить его еврейские корни. Эту версию подкрепляли позицией саддукеев и фарисеев о том, что Иисус якобы не был евреем. Однако они передумали исправлять тексты под эту версию, чтобы не ввести людей в еще большее замешательство.

– Еще кого-нибудь из братства ессеев звали Варавва?

– Вижу, ты читал и гностические труды... Это же ересь? – с улыбкой сказал Иосиф.

– Многие знания не запутают мой разум, – усмехнулся Илья.

– Хорошо, скажу. Вараввой звали нескольких членов братства. Тот, кто присоединялся к братству для освободительной борьбы против римлян, получал шанс стать сыном своего отца в Царствии Небесном. Поэтому это было не имя и не фамилия, это был скорее титул, который присваивал Иисус Христос как предводитель братства. Вероятно, это происходило по иерархии, по особенным данным или заслугам. Однако статуса мессии у них не было. Из ранних источников видно, что Иисус сам попросил Пилата отпустить Варавву, а Римская церковь своими действиями все поставила с ног на голову. Что касается его имени – Иешуа или Иисус, есть версия, по которой у каждого в братстве было второе имя, как у члена повстанческой организации. Некоторые из братьев взяли имя своего предводителя, что было оправданным в целях его безопасности.

Илья, я должен дать тебе дружеский совет: никогда не вступай в спор с верующим человеком, особенно с неподготовленными людьми. Не ставь себе целью передать им свое видение и знания или переубедить их в чем-нибудь.

– Я с вами согласен, Иосиф Михайлович, однако я хочу задать вам один вопрос, и не считите его за кощунство...

Иосиф кивнул.

– Как вы думаете, после Иисуса были похожие на него люди?

– Да, были, но не имели такого влияния. Впрочем, их роль была ненамного меньше.

– Кого из них вы можете назвать?

– Мухаммеда...

– Это основатель религии, а мне интересно, были ли другие?

– Нельзя сравнить напрямую, но должен тебе сказать, что все люди, которые проявляют необыкновенные способности и одаренность, имеют связь с космосом. Вот хотя бы Чингисхан. Он был воистину не от мира сего. Человек без всякого образования. У него был огромный талант как в военном деле, так и в управлении. Он был настоящим мессией своего времени. Только не религиозно-духовным, а, наоборот, с отрицательным знаком. Такое не происходит случайно. Был также Леонардо да Винчи, Коперник, Галилео Галилей, Блез Паскаль, Моцарт, Бетховен, Никола Тесла, Альберт Эйнштейн и другие. Про всех этих людей можно сказать, что они космического или, если угодно, божественного происхождения...

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В воскресенье утром выглянуло солнце. Осенние пасмурные дни утомили природу. Безоблачное небо и прозрачный воздух с утра создавали приподнятое настроение.

Илья заехал домой к Ирен. Накануне они договорились, что он отвезет ее к бабушке, а вечером они вернутся домой. После поездки в Москву на похороны прошел почти месяц, а Ирен не встречалась ни с Борисом, ни со стариком. Она не знала, что Илья постоянно находился там и поддерживал бабушку.

Из подъезда своего дома Ирен вышла в сопровождении своих родителей. Они собирались прогуляться с длинноухой таксой.

Родители Ирен были еще молоды. Это была замечательная пара: маме, Лане Семеновне, было примерно 45 лет, в прошлом она была балериной, выглядела очень молодо, воздушно; стройная фигура, походка, пластика сохранились, как в молодости. У Ланы тоже была коса, и она ей очень шла. Вероятно, Ирен многое переняла от матери, в том числе и прическу. Отец Ирен, Леонид Михайлович, был мужчина, достигший пятидесяти лет, выше среднего роста, с чуть серебриющимися волосами. Доктор наук в области ядерной физики, он еще во времена Горбачева был приглашен на работу в ЦЕРН – в Центр международных исследований атомной энергии.

Они приветливо поздоровались с Ильей и оценивающе оглядели потенциального зятя. В глазах Ланы Илья увидел чуть заметную ревность и даже обиду: «Чего ты ждешь, не собираешься брать Ирен в жены?» По Леониду ничего нельзя было заметить, отрешенный от проблем мира сего, он особенно не утруждал себя семейными делами. Он был уверен, что двух женщин в семье вполне достаточно для решения всех проблем, поэтому ни отношениями между Ильей и Ирен, ни перспективой их женитьбы он себя не тревожил. Свое мнение об Илье он высказал при первой встрече. Никто не знает, по каким критериям оценил Илью доктор ядерной физики, хотя сказал сразу: «Он производит впечатление надежного человека, но вы его, как меня, не обуздаете», – и этим ограничился. Однажды Ирен, когда говорила о родителях, так вошла в азарт, что проговорила нечаянно семейную сплетню и выболтала Илье эту его характеристику. После этого Илья почувствовал к ее отцу большую симпатию, вероятно, этим он проявил солидарность к мужчине, «обузданному» женщинами.

– Мамочка, папочка, мы вечером вернемся, – сказала Ирен и еще раз расцеловала родителей. Она нагнулась и потрепала свою таксу, уши которой волочились по земле. Собака недовольно залаяла, мол: «Не оставляй меня». Лана и Илья с улыбкой переглянулись и попрощались.

Илья и Ирен пошли к машине. Собака с лаем побежала за ними.

– Тасик, Тасик! – позвал Леонид, и собака помчалась назад. Илья спиной чувствовал, как Лана провожала его взглядом. Он воспользовался моментом и демонстративно шлепнул Ирен по обтянутой брюками попе.

– Что ты делаешь, с ума сошел?! – приглушенно процедила сквозь зубы Ирен. – Ты же знаешь, что смотрят!

– Не смотрят, а смотрит. Это свойственно только Лане, – со смехом ответил Илья, – знаю, ей понравится, что я тебя ласкаю, и у самой фантазия разыграется.

– Ох, какой ты противный!

– Тоже мне новость!

Он открыл дверь машины, и Ирен села на переднее сиденье. Он обошел машину и, прежде чем сесть, посмотрел на Лану. Лана смотрела с улыбкой и качала головой. Илья послал будущей теще воздушный поцелуй, сел в машину и двинулся с места.

– Ты что, хочешь свести маму с ума?

– Хочу. Если она будет думать, что я постоянно тебя ласкаю, она будет меня еще больше любить.

– Она может обидеться на твое поведение!

– Вовсе нет, наоборот. Последние недели у нее был стресс, она пережила неприятные дни, сейчас нужно перевести ее внимание на более приятные вещи.

– Значит, ты и маме проводишь терапию?

– А как же?!

– Я тебя убью, противный!

– Ах, какое спасибо скажут тебе арабы – ты и не представляешь!

– А что? Что-нибудь происходит? – спросила она озабоченно.

– Нет, все спокойно.

Когда они подъехали к мосту набережной Монблана для переезда через Женевское озеро и остановились у светофора, Ирен с удивлением спросила:

– Куда это мы едем?

– Зайдем ненадолго в парк? Смотри, какая хорошая погода. У дедушки нам придется целый день быть в помещении.

– Хорошо, любимый. Я тоже целыми днями сижу и занимаюсь, на улицу практически не выхожу.

Через пять минут они свернули с набережной в парк и пошли вверх по тенистой аллее. Мокрая после вчерашнего дождя ярко-зеленая трава блестела на солнце. Только один взгляд на склон горы навевал возвышенное настроение. Чуть струшенные дождем цветущие кусты старались продлить срок своего цветения и наполняли парк пестротой красок. Если где-нибудь и возможно увидеть все богатство осенних красок, так это в парке Овив.

Долго бродили они, взявшись за руки, плавая мыслями в разных плоскостях. Как всегда, молчание прервала Ирен.

– Любимый, неужели до сих пор у тебя не возникало желания повидать дедушку?

– Как нет? И желание возникло, и повидал уже. Я несколько дней был с ним.

– Ну и?.. – Ирен остановилась и с удивлением посмотрела на Илью.

– Что – «и»? Я застал старика в очень плохом состоянии, можно сказать, еле успел. У него сразу же исправилось и настроение, и самочувствие. Он повеселел, порозовел, и иммунитет у него улучшился. Когда я пришел, врачи не могли мне сказать ничего утешительного, только разводили руками. Все обрадовались моему приходу. Видимо, уже и не ждали, и дедушка был в апатии. Он сразу же спросил о тебе. Я все объяснил и обещал, что каждое воскресенье буду тебя приводить.

Ирен посмотрела на Илью с благодарностью.

– Ты бурчливый, но очень хороший! – обняла она его. – Я так и подумала, когда два дня не могла с тобой связаться: или уехал куда-нибудь, или у них.

– Я там познакомился с одним очень интересным стариком, он твой коллега, искусствовед и историк, старый друг дедушки. Он управляющий книгохранилищем и главный книговед.

– Почему мы его не видели?

– Бедняга был болен. Он перенервничал, когда дедушку поместили в больницу. Годы так их сблизили, что они стали как сиамские близнецы. Это человек очень тяжелой и интересной биографии. Так что теперь вместо одного мне нужно присматривать за двумя стариками, – со смехом завершил Илья.

Ирен засмеялась.

– Этот старик тоже еврей? – неожиданно спросила она.

– Конечно, только наполовину.

– Почему наполовину? Что, и у этого старика в предках есть грузины?

– Нет, его мать еврейка, и этого уже достаточно.

– Ох, как я по тебе соскучилась, любимый. Может, сначала зайдем к тебе домой, а потом к ним?

– Я думал, что ты полностью переключилась на учебу, а ты...

– Ох, ты меня постоянно нервируешь.

Илья от души рассмеялся.

– Хорошо, хорошо, не бурчи. Сначала зайдем к ним. После обеда бабушка уснет, и мы немного отдохнем. Согласна?

– Как скажешь, только не зли меня!

Илья обнял ее и притянул к себе. Ирен обняла его рукой за талию, и они пошли по тропинке. Обоих захватили мысли, и они замолчали. Тишину нарушила Ирен.

– Как этот старик попал в Швейцарию?

– Разумеется, Джуга привез.

– Как ты думаешь, а сам бабушка почему поселился в Швейцарии?

– У этого может быть несколько объяснений. Хотя скорее всего – из-за своей деятельности. До отъезда из Советского Союза у него, наверное, были связи и контакты в Швейцарии. К тому же ему нужна была достаточная дистанция со всеми, чтобы независимо делать свое дело. Нейтральная страна с развитой финансовой системой дает такую возможность. Для его деятельности важна и концентрация международных институтов, к тому же Швейцария – традиционная страна для тайных орденов.

– И еще ее любят евреи.

– Откуда ты это взяла?

– В России многие считают, что Швейцария – европейский Израиль.

– Я это слышал. Однако мне кажется, что это перебор. После Второй мировой войны у многих очень неоднозначное отношение к этой стране.

– Но почему?

– В принципе, как швейцарская гражданка, ты должна это знать.

– Ну, не начинай!

– Пожалуйста, не скажу.

– Перестань, рассказывай!

– Тогда скажу коротко. Во время Гитлера, уже в 1933 году, когда первые евреи бежали в Швейцарию, они объявили, что Гитлер начал геноцид евреев. Многие христианские организации начали помогать еврейским беженцам. Известна история, как полицейский комендант из Санкт-Галлена Пауль Грюнберг переправил через границу тысячи беженцев. Его отдали под суд за содействие нелегальной эмиграции и посадили в тюрьму. Ему устроили это силы, сочувствующие нацизму. Здесь у вас в тридцатые годы действовала организация «Национальный фронт» под руководством некоего Саакуди, который был опорой Гитлера. Эту организацию запретили в 1940 году, но до того она испортила жизнь многим евреям.

Во время войны и швейцарцам было нелегко, хотя, будучи в окружении, они все-таки неплохо торговали с Италией и Германией и даже на заказ производили оружие. Для того чтобы не испортить отношений с Германией, шеф швейцарской полиции Ротмунд потребовал, чтобы в Германии в паспортах евреев ставили отметку: букву «J», «Jude» – еврей, это дало нацистам возможность их еще большего притеснения. Ротмунд был инициатором того, чтобы сократить эмиграцию евреев в Швейцарию. Из-за этого многие не смогли спастись от нацистов и попали в концентрационный лагерь, а многие еврейские семьи, уже будучи в Швейцарии, были переданы нацистской Германии. Речь идет о 30–50 тысячах человек, и ты, наверное, представляешь, что с ними произошло. Этот Ротмунд, как выяснилось позже, сам тоже был евреем.

Насколько мне известно, комиссия международных экспертов сейчас работает над установлением еврейских банковских счетов, на которых остались сотни миллионов. Об этом не сообщили близким и наследникам, и банкиры присвоили эти деньги.

Из Германии в Швейцарию нацисты вывозили золото и драгоценности умерших. Часто даже золотые зубы, которые вырывали у еще живых или уже убитых пленных. Это была плата за военные заказы или залог под кредит. В то время Швейцария была главным банкиром Германии.

– Эти золотые зубы действительно были гарантией для банкиров?

– Да, это было так. Часто они были даже не переплавлены, переправляли прямо так. Многие историки и исследователи прямо указывают на роль Швейцарии в трагедии Холокоста и обвиняют ее в том, что тесная связь с Гитлером сначала укрепила нацистскую Германию, а затем продлила ее существование, чем нанесла большой удар по Европе и принесла дополнительные потери союзникам. Швейцарцы протестовали против такой политики правительства и всячески старались ей препятствовать, однако этот протест был разрозненным, а сила, как известно, в единстве. Кстати, в это время пострадали и близкие Джуги. Они жили в Германии и бежали в Швейцарию. Дедушка сам рассказал мне, что ему срочно пришлось организовать спецоперацию, чтобы спасти своих бабушку и дядю, то есть твоего прадедушку. А его мать в это время уже была в Америке вместе с мужем. После спасения родственников он даже провел карательную операцию против тех чиновников, которые предали евреев.

– А что он им сделал?

– Что он мог сделать? Ликвидировал.

– Убил? – изумленно спросила Ирен.

– Нет, приласкал... Что же еще он мог сделать?

– Он это мог?

– О-о-о, именно он и мог. Между прочим, в том, что комиссия сейчас работает, есть и его заслуга.

– Он был таким вездесущим? – не дала ему уйти от темы Ирен.

– Ты, мне кажется, еще не разобралась, кем был твой дедушка Джуга, – иронично сказал Илья, – впрочем, он все еще таковым и является. Даже сейчас, когда он стоит одной ногой в могиле, Джуга может убрать любого, независимо от должности и происхождения.

– Шутишь?! – ошеломленно посмотрела на него Ирен.

Илья ненадолго задумался и с улыбкой ответил:

– Да, шучу... Однако он был действительно сильным, когда работал со Сталиным.

– Не шути так! – с обидой сказала Ирен.

Некоторое время они шли молча. Ирен все еще беспокоили вопросы, и она вернулась к теме Швейцарии.

– Так откуда идет миф, что Швейцария – европейский Израиль?

– Это длинная история. Давай поедем, и я расскажу тебе по дороге, ты же знаешь, что дедушка нас ждет.

Они сели в машину и поехали в сторону автобана. Было уже половина двенадцатого.

– Такое чудесное утро мы потратили на такой тяжелый разговор, – обеспокоенно сказала Ирен, – это моя вина, я его затеяла.

– Ого! Сидение дома за книгами явно пошло тебе на пользу. Какая ты стала самокритичная... Растешь, явно растешь.

– Не расту, а уже старею в твоих руках...

– Нет еще, дорогая, у тебя еще лет пять-шесть в запасе, – парировал Илья.

– Смеешься, да? Какой ты противный деспот! Совсем не заботишься о моем времени!

– О-о-о, вижу, Лана с тобой поработала... А? В десятку?

– Нет, не попал. Это я тебе от себя говорю.

– Хорошо, будем считать, что я поверил. Ты и без Ланиной помощи умница.

– Да ладно, не трепи мне нервы, любимый!

– Ты лучше определись – я противный или любимый.

– И то и другое, – кинула в ответ Ирен.

– А выбор у меня есть?

– Он за тобой.

– Тогда буду противным.

Ирен повернулась к нему и показала язык, а Илья от души рассмеялся:

– Хорошо, договорились.

Пока не выехали на автобан, оба сидели тихо и слушали музыку.

– Не расскажешь? – неожиданно спросила Ирен.

– Что? – отвлекся от мыслей Илья.

– Про Швейцарию.

– Ах да! Я думал, ты забыла, – с улыбкой ответил он. – Историю Конфедерации ты, наверное, знаешь, чтобы не тратить на это время.

– Да, это знаю.

– Значит, знаешь и то, что в конце XIII века было заложено основание современной Конфедерации Швейцарии. Три города создали это ядро. Это были Ур, Швиц и Унтервальден. В XVI веке к ним присоединились другие земли и края, всего 13 регионов. Позже их назвали кантонами. Этот период связан с реформацией христианско-католического мира, которая началась с венецианских аристократов и купцов, так как Венеция уже теряла свои позиции, но старалась сохранить влияние. Для этого они должны были создать проблемы своему главному противнику – Святой Римской империи и ослабить ее власть. Время было подобрано очень хорошо. В Европе бесчинствовала Инквизиция, еретиков бросали в тюрьмы и сжигали на кострах. В покрытых тьмой городах Европы постоянно стоял запах жареного человеческого мяса...

Илья искоса посмотрел на Ирен, увидел отвращение на ее лице, улыбнулся и продолжил:

– Ватикан душил прогресс. Многие страны и королевские семьи пытались избавиться от влияния Римской церкви. Тогда началось протестантское движение, целью которого было отделить католическую церковь от монархии. Это была хорошо продуманная стратегия, основанная на антикатолической идеологии, которая была названа Протестантской Реформацией. Главным идеологом этого движения стал венецианский кардинал Канторини. До этого он был послом при дворе императора Святой Римской империи Карла V. Канторини был очень умным пронырой. В результате Реформации было заложено несколько направлений: в Англии – англиканство, в Германии – лютеранство, а в Швейцарии – кальвинизм, который способствовал началу очень мрачных времен в стране. Кальвин вместе со своими последователями ввел выборность духовных лиц в церковных органах власти. Была запрещена пестрая одежда, музыка, пение, смех...

– Смех? – удивленно спросила Ирен.

– Да, и смех тоже. Тебя тогда в Швейцарию не пустили бы.

– И тебя бы не пустили, – захихикала Ирен.

– А я и не собирался, – со смехом продолжил Илья. – Кальвинисты поощряли доносы. Доносчикам передавалась часть конфискованного у обвиняемых имущества. Поощрялись доносы детей на собственных родителей. Нарушителей закона считали еретиками и сжигали на костре, жестоко наказывали за мельчайшую провинность. От людей требовался рабский труд, послушание и молитвы. Вероятно, именно этот период, когда предательство ближнего или постороннего стало чуть ли не богоугодным делом, нанес большой урон их самосознанию и ментальности. Даже через века это деформированное мышление сохранилось и в современном мире.

Этот твой Кальвин, вместе с другими «радостями» иудаизма, внес в христианскую страну «охоту на ведьм» – преследование женщин по обвинению в колдовстве – и начисто уничто-

жил всех красивых и умных женщин. Итак, ущемленные европейские женщины стали прямым объектом нападений, их обвиняли во всех несчастьях и грехах.

– В чем?

– Ну, например, в плохой погоде или плохом урожае. Какая-нибудь завистливая уродина, позавидовав красоте и уму, скажет: «Наша корова не доится после того, как она заколдовала ее», – и укажет на предполагаемую жертву.

– Шутишь? – с застывшей улыбкой спросила Ирен.

– Какие тут могут быть шутки? После тяжелых пыток жертва «признавала» свою вину. Кстати, в отличие от других инквизиций, Кальвин придумал замуровывать женщин в стене. По вине инквизиторов в Европе не осталось красивых женщин, а об одновременно красивых и умных и говорить нечего.

Как искусствовед, вспомни произведения живописи Средних веков. На них не увидишь ни одной красивой женщины. Из-за их болезненного вида один взгляд на них вызывает жалость и разрывает сердце...

Эти слова развеселили Ирен.

– Как думаешь, я в те времена тоже заслужила бы костер инквизиции?

– Ты – в первую очередь! – уверенно сказал Илья.

Ирен была довольна тем, что из-за своей красоты и ума она могла стать жертвой инквизиции.

«Что за создания эти женщины, их не поймешь», – подумал Илья и продолжил:

– Кальвинизм просочился и в Англию и способствовал развитию пуританства, что впоследствии повлияло на создание США, а во Франции и Голландии – на развитие гугенотства. Эти реформы вызвали нескончаемые религиозные войны. В Германии произошло три гражданских войны подряд, и треть населения вымерла. Во Франции между гугенотами и католиками произошла война, которая переросла в гражданскую. И в Англии воевали бесконечно. Протестантская Реформация в тот же период проникла и в Россию. Темный период смуты продлился там около века и принес в жертву около миллиона человек. Доктрина Кальвина во многом противоречила доктрине христианства и была насыщена идеологией иудаизма. Кальвин говорил, что человеку от рождения предрешиено, куда он попадет – в рай или ад. Правда, заранее никто не может определить, но куда попадет человек в потустороннем мире и какова будет его судьба, понять можно.

– Кто был этот Кальвин? – прервала его Ирен.

– Жан Кальвин оказался бежавшим из Франции в Швейцарию крещеным евреем. Сначала он был записан как Каиуин, затем как Кальвин, а на самом деле был Коганом. Он ввел правило субботы в Швейцарии, Англии и Голландии.

– Что, традиция субботы была и у христиан?

– Представь себе, христиане жили по правилу субботы, – со смехом ответил Илья, – он считал органичным для христиан жить по еврейским традициям. Кальвин взрастил множество религиозных революционеров, которые пролили в Европе море крови. Еврейский орден «Бнай-Брит» посвятил большую конференцию и труды «заслугам» Кальвина в истории Европы. Представь себе, когда в 1649 году казнили короля Карла I, британский Сенат превратился в Собрание раввинов. Тот, кто не соблюдал субботу, жестоко наказывался, у него отнимали имущество и титул. Это несчастье, кальвинизм, продлилось в Швейцарии более двух веков. Наверно, из-за наследия кальвинизма некоторые евреи считают Швейцарию европейским Израилем.

– Швейцарцы и правда очень отличаются от других европейцев, не говоря уже о русских и других советских народах. Видно, кальвинизм действительно оставил большой след в их менталитете... – задумчиво сказала Ирен.

– самого ордена кальвинистов, по-моему, не существует, но его последователей множество – в лице тронутых умом государственных правителей...

За разговором они не заметили, как приблизились к повороту на Лозанну. Через двадцать минут они подъехали к воротам в парк, через три минуты оказались во дворе резиденции и остановились на паркинге.

Появление Ирен все восприняли с радостью, особенно дедушка. Борис и Донари были в комнате старика и сразу стали расспрашивать о московских новостях. Илья оставил Ирен в комнате старика, а сам вышел с Борисом для разговора.

– Все в порядке? – сразу спросил Борис.

– Пока что да, месье Борис. Если не считать того, что меня интенсивно ищут.

– Арабы? – спросил Борис с надеждой, что это не так.

– Да, они.

– Сам видел или кто-нибудь сказал?

Илья достал из кармана маленькую видеокассету:

– Можем где-нибудь посмотреть?

– Давай зайдем в мой старый кабинет.

Они вышли в приемную, оттуда в коридор офиса, а затем в кабинет Бориса, который он занимал как советник. Он вставил кассету в видеомаягнитофон. На плазменном экране появился двор гостиницы «Интерконтиненталь» и паркинг. Из синего «Рено», номер которого был хорошо виден, вышел молодой человек и скрылся за запасным входом в гостиницу. Затем кадр изменился, и показалась комната менеджера подземного паркинга, куда вошел тот же молодой человек. Спустя несколько минут он появился в кадре вместе с Саидом, менеджером паркинга. Они стояли возле видеоглазка, где хорошо было видно лицо молодого человека. Через некоторое время они пожали друг другу руки и распрощались. Опять показался паркинг, молодой человек сел на пассажирское сиденье, и машина двинулась. На несколько секунд в отражении стекла промелькнуло лицо водителя.

Борис смотрел очень внимательно. Когда запись кончилась, он сказал:

– Оба арабы.

– Да, Саид мне сказал, что один ливанец.

– И как это ты умудрился? – с довольной улыбкой спросил Борис.

– Я ставлю машину у Саида, когда надолго уезжаю. Они спрашивали там обо мне несколько раз и уточняли время моего приезда. Когда Саид сказал мне об этом, я попросил его сделать запись и позвонить мне. Вчера он мне позвонил. Он сказал им, что меня не видел, но кто-то пригнал мою машину. Он предложил им оставить номер телефона, чтобы он смог сообщить им о моем приезде, но они не оставили.

– Хорошо, молодец. Теперь и мы можем действовать. – сказал Борис.

Он сразу же вызвал начальника охраны Виктора, показал ему запись и дал задание. Когда Виктор вышел, Илья спросил:

– Месье Борис, от следствия слышно что-нибудь новое?

– Кое-что раскопали. Наш бывший водитель тоже заговорил.

– Еще не видно, откуда идет опасность?

– К сожалению, пока не ясно, однако определенные предположения у меня есть...

Борис замолчал. Некоторое время было тихо – он о чем-то думал. Затем продолжил:

– Наверное, тебя интересует, с чем связана попытка нападения на меня.

– Да, интересует. Хотя в принципе ясно, с чем она связана. Если бы я знал некоторые детали, возможно, и мне пришла бы в голову какая-нибудь идея.

Борис опять ненадолго задумался.

Потом он кивнул в знак согласия и рассказал свои предположения и версию, однако воздержался от упоминания некоторых деталей и фамилий. Илье и без фамилий многое стало ясно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.